

Алиен Уриэль

БЫТИЕ и безумие

[и драконы]

Алиен Уриэль

Бытие и безумие [и драконы]

Издательско-Торговый Дом "СКИФИЯ"

2023

Уриэль А.

Бытие и безумие [и драконы] / А. Уриэль — Издательско-Торговый Дом "СКИФИЯ", 2023

ISBN 978-5-00025-307-6

А У (Алиен Уриэль) — это имя главного автора из авторского коллектива (более 30 человек и более ю субличностей на сегодняшний день), создававшего эту книгу. Алиен Уриэль — лауреат международного конкурса 2021 года для людей с ментальными расстройствами "International Jonathan Swift Special Literary" за эссе «Безумие и говорящий лев». Каждый читатель становится соавтором книги, написав «Свидетельский отклик» (по образцу, предложенному психотерапевтом в рамках нарративных практик). Официальный жанр книги — классическое «творчество людей с ментальными проблемами», что не отрицает ее определенных литературных и философских достоинств. Сама книга написана в стиле *metafiction*, где научные статьи чередуются с безумным потоком сознания, а субличности получают отдельное право голоса. При всем своеобразии текст, с одной стороны, сохраняет постмодернистскую структуру и отказывается от претензий на «великий нарратив», а с другой — демонстрирует «новую искренность» и частичный отказ от иронии и постиронии. Книга будет интересна широкому кругу читателей и тем, кто интересуется тенденциями развития современной философии, психиатрии и психологии. Книга содержит особую лексику, частично авторскую орфографию и пунктуацию, а также обсуждение полузапретных вопросов.

ISBN 978-5-00025-307-6

© Уриэль А., 2023
© Издательско-Торговый Дом
"СКИФИЯ", 2023

Содержание

Предисловие издателя (о проблемах, связанных с изданием книги)	8
Предисловия к первому тому	9
Предисловие психиатра	10
Предисловие психолога (1)	11
Предисловие психолога (2)	12
Предисловие историка	13
Предисловие ведьмы	14
Предисловие философа	15
Предисловие журналистки	16
Предисловие кинорежиссерки	17
Предисловие гида-экскурсовода	18
Вопль библиотекаря	19
Предисловие музыканта	20
Предисловие юриста	21
Предисловие зоозащитницы	22
Предисловие редактора журнала	23
Предисловие студентки	24
Предисловие галериста	25
Предисловие художника	26
Предисловие школьного учителя	27
Предисловие правозащитницы	28
Предисловие университетского преподавателя	29
Авторские предуведомления к первому тому	30
Предуведомление № 1	30
Предуведомление № 2	31
Предуведомление № 3	32
Предуведомление № 4	33
Предуведомление № 5	34
Предуведомление № 6	35
Предуведомление № 7	36
Авторские пояснения к первому тому	37
Пояснение № 1	37
Пояснение № 2	38
Часть I	39
I.I.01. Безумие и встреча	41
I.I.02. Безумие и отрицание	42
I.I.03. Безумие и логика	43
I.I.04. Безумие и реальность	44
I.I.05. Безумие и страх	45
I.I.06. Безумие и психиатрия	46
I.I.07. Безумие и Дон Кихот	47
I.I.08. Безумие и дон Хуан	48
I.I.09. Безумие и дон Румата	49
I.I.10. Безумие и время – 1	50
I.I.11. Безумие и пространство	51
I.I.12. Безумие и энергия	52

I.I.13. Безумие и Аполлон	53
I.I.14. Безумие и Дионис	54
I.I.15. Безумие и Гермес	55
I.I.16. Безумие и одиночество – 1	56
I.I.17. Безумие и порядок [Безумие и Космос – 1]	57
I.I.18. Безумие и Хаос	58
I.I.19. Безумие и разум – 1	59
I.I.20. Безумие и Бытие	60
I.I.21. Безумие и история	61
I.I.22. Безумие и миры – 1	62
I.I.23. Безумие и безумцы	63
I.I.24. Безумие и диссоциации	64
I.I.S-1.24/25. Маг-1 [Суб-личности – I/01]	64
I.I.25. Безумие и норма	65
I.I.26. Безумие и стена	66
I.I.27. Безумие и эпохи – 1	67
I.I.S-2.27/28. Садовник [Суб-личности – 1]	68
I.I.28. Безумие и структура	70
I.I.29. Безумие и философия – 1	71
I.I.30. Безумие и корабли – 1	72
I.I.S-3.30/31. Потерянный Ребенок [Суб-личности – 2]	72
I.I.31. Безумие и сущее	73
I.I.32. Безумие и проект	74
I.I.33. Безумие и красный	75
I.I.34. Безумие и имена	76
I.I.35. Безумие и собаки	77
I.I.36. Безумие и подобие	78
I.I.37. Безумие и миф – 1	79
I.I.38. Безумие и трансцендентность	80
I.I.39. Безумие и Ничто	81
I.I.40. Безумие и Нечто	82
I.I.41. Безумие и Бог-знает-что	83
I.I.42. Безумие и психология	84
I.I.43. Безумие и личности	85
I.I.S-4.43/44. Неизвестный Бог [Суб-личности – 3]	85
I.I.44. Безумие и ужас	86
I.I.45. Безумие и память	87
I.I.46. Безумие и границы	89
I.I.47. Безумие и протагонисты	90
I.I.48. Безумие и гуманизм	91
I.I.D-1.48/49. А-Константин-1 [Диссоциированные личности – 1]	91
I.I.49. Безумие и Другие	92
I.I.50. Безумие и эксперимент – 1	93
I.I.51. Безумие и агрессия – 1	94
Часть II	95
I.II.01. Безумие и вечность	97
I.II.02. Безумие и сюжеты	98
I.II.03. Безумие и тошнота	99

I.П.04. Безумие и комната	100
I.П.05. Безумие и тайна	101
I.П.06. Безумие и язык	102
I.П.07. Безумие и идентичность	103
I.П.08. Безумие и эксперимент – 2	104
I.П.09. Безумие и агрессия – 2	105
I.П.10. Безумие и миф – 2	106
Конец ознакомительного фрагмента.	107

Алиен Уриэль

Бытие и безумие [и драконы]. Том I

Предисловие издателя (о проблемах, связанных с изданием книги)

Эту книгу не только невозможно читать, но ее невозможно издать.

Сидим уже несколько дней с дизайнером, художником, корректором, редактором, и не знаем с чего начать.

То ли нужны рисунки, то ли нет, то ли их нужно двадцать, то ли двести?

Нужно ли оформлять отдельно субличности? А если что не так выйдет, не обидятся ли они?

Если оформлять, то какой должен быть стиль: классический или безумный?

Решаем – безумный.

Итак – в добрый путь!

P. S.

У автора очень осознанное отношение к дефисам, поскольку они меняют «стандартный» смысл слова. Поэтому, уважаемые читатели, не обессудьте, если в тексте встречаются «субличности», имеющие особую природу, в отличие от стандартных психологических общепринятых понятиях... То же самое со «сверх-человеком» и проч.

Никой ответственности издательство за это не несет.

Ольга Сергеевна, исполнительный директор издательства

Предисловия к первому тому

Все, кто писал эти предисловия, являются также авторами (соавторами) некоторых глав (эти фрагменты выделены в тексте книги курсивом)

Предисловие психиатра

Эта книга – удивительный образец творчества человека «с диагнозом». Книга, которая сперва представляется хаосом и нагромождением словесных конструкций, при более внимательном рассмотрении обнаруживает поразительную внутреннюю логику, весьма вычурную, но в то же время стройную. Не вызывает сомнений эрудированность автора, дающего регулярные отсылки к известным личностям и событиям. Фантазия, которая создает этот текст, кажется совершенно безграничной и безумной. Я надеюсь, что книга найдет своего читателя, который сможет найти в ней что-то ценное персонально для себя.

М. К., врач-психиатр, кандидат медицинских наук

Предисловие психолога (1)

Эта книга претендует на безумие. Безумие, безумие, безумие. Как будто бы безумие может быть чем-то, может быть названо, указано и выражено. Нет, конечно, нет: она, книга, имеет такое же отношение к безумию, как «Доктор Фаустус» или, скажем, «Бойцовский клуб». То есть ровным счетом никакого. Так, рядом постоять, заглянуть в замочную скважину (тем самым уже отсутствующим глазом), протянуть руку, затянутую в перчатку, но не суметь коснуться.

Как говорить о том, чего нет? Кто-то рассказывает притчи. Кто-то ищет метафоры. Кто-то вообще отказывается от языка и выбирает изображения или звуки. Можно говорить о чем-то, что не является тем, что ты тщишься описать. Эта книга выбирает наметить точки сопряжения с чем-то, что ощущается более существующим, чем объект (субъект?) описания. Игры разума. Концептуальная престижизитация. Попытка сотворить чудо с помощью зеркал с потускневшей амальгамой. Длинные, витиеватые редкоупотребимые слова. Только слова.

Эта книга пытается примерить безумие и померится им со всем миром. Кто более отчужден? Дон Хуан или Донателло? Города или мосты? Афина или афедрон? Корабли или паровозы? Бросьте, линейки разномастны, сравнения произвольны, в палате мер и весов лихорадочно готовят место для... Эталон не определен.

Это безумие претендует на книгу. Помилуйте, книга – это что-то цельное и связанное, поселившееся под одним переплетом не с бухты-барахты, а по каким-то веским причинам. Веским, взвешенным и сочтенным.

Из этой книги вы не узнаете, как соотносятся бытие и безумие. Персонажи вымышленны, ни одно совпадение не является умышленным, умысел наличествует исключительно в несовпадениях. Точнее было бы говорить о том, как все эти персонажи вылезают из небытия в бытие, застревая в безумии. Страшный, мучительный процесс.

Канва только прикидывается несвязной, параллельные линии пересекаются в бесконечности, и случайности неслучайны, совсем как у Тьюринга. Мне хочется забрать у автора самовольно напыленный колпак с колокольцами и потом уже в уединении улыбнуться, написав пост в «Фейсбуке» про детей, надевших родительскую одежду. Но нет, этот колпак и не мой тоже, я не знаю, как он вообще оказался в том пыльном чулане, в который сваливают продырявленные истины и покосившиеся смыслы.

Эта книга, ну или это безумие порождает дурную бесконечность (как, собственно, и само бытие), запутывается сама (или само) в зеркальных иллюзорных коридорах, питается многократными отражениями. Как бесконечен сам текст, так и бесконечно его чтение. Не читайте это предисловие, не читайте саму книгу, никогда, слышите, никогда не читайте тексты, в заглавиях которых содержатся слово «бытие» и слово «безумие».

И. М.

Предисловие психолога (2)

Так случилось, что я стала свидетелем рождения этой книги. Книги, в которую хочется влезть с головой не для чтения, а для дописывания, поддакивания и конфронтации. Остается напоминать себе, что свидетель – это тот, кто сопровождает важное событие своим вниманием, а не деятельным участием.

И тем не менее эта книга безумно важна для меня, поскольку не просто поддерживает некоторые мои идеи, но и доставляет удовольствие от взаимодействия с нею.

Итак, я свидетельствую.

Я не специалист по теории постмодерна, я всего лишь продвинутый пользователь. Читая эту книгу, я размышляю о том, как было бы здорово разместить текст на карточках. Читая эту книгу, я думаю, что идеальный текст, заслуживающий называться постмодернистским, – чистый лист. И с этой точки зрения эта книга, конечно, не дотягивает. Читая эту книгу, я размышляю о том, что иногда работа автора ничтожна по сравнению с работой читателя. Читая эту книгу, я размышляю о том, что я плохой и невнимательный читатель, мне тяжело и лениво проверять все смутные подозрения и сверяться со всеми, отнюдь не смутными ссылками.

Но я знаю, что где-то существуют вполне себе высококвалифицированные читатели не ямбов, так постмодерна.

Эта книга одновременно рабочий инструмент и результат работы, способ выражения невыразимого и генератор новых смыслов, практика получения социальной поддержки и практика порождения поддерживающего сообщества, история о множественности и история о целостности. Даже это предисловие, зараженное свойствами книги, пытается извернуться и стать послесловием, а пальцы пытаются напечатать ссылку на главу, которая так и не появилась в этой книге (а могла бы, вот правда, могла бы). Что ж, дорогой читатель, эту книгу стоит прочитать хотя бы для того, чтобы узнать, чего в ней нет для вас.

Ирина Мороз, нарративный практик, психолог

Предисловие историка

Автор, человек несомненно и разносторонне талантливый, написал книжку, проникнутую ядом отвращения. Не то к себе нелюбимому, не то к Божьему свету, не то к творческому процессу. Правда, не исключено, что это игра, некое кокетство печоринского типа, но кокетство хорошо усвоенное, приросшее как маска. Читать эту книгу рекомендую в двух случаях. Близкому родственнику, который тяжело болен, и вы не хотите, чтобы он долго мучился. Или сами себе на предмет проверки своей психической стабильности.

Вам, вашим родственникам и автору желаю здоровья и счастья.

Николай Сванидзе, историк, журналист

Предисловие ведьмы

Эта книга прекрасна в своей неординарности.

Многослойность бытия обусловлена им же. Безумие проявляет те же качества, но идет вразрез, вклинивается и рушит границы, создавая при этом новые вселенные.

Что есть человеческое бытие с точки зрения ведьмы? Тысячелетия, проносющиеся как один миг и связанные с общим опытом. Конструктор, шахматная доска, или большая паутина, в которой все очень изменчиво.

Что есть безумие? Мир внутри мира. Мир внутри отдельного человека и бесконечность вдохновения, дающая самые прекрасные и неожиданные плоды. Это пропасть между хаосом и совершенством, собранная в один сосуд.

Бытие и безумие – две грани обоюдоострого клинка, по которому ходит каждый живущий в человеческом теле.

Эта книга дает возможность перешагнуть эту черту, оказаться на обратной стороне Луны, стать частью многогранной вселенной. И в этом ее ценность и значимость.

Вкушайте, ужасайтесь и наслаждайтесь. Многие аспекты бытия и безумия изложены здесь.

Augusta Mondschein

Предисловие философа

Эта книга ужасна.

Д. Г., кандидат философских наук, профессор

Предисловие журналистки

Эта книга – попытка исследовать безумие с помощью ума. Нонсенс и абсурд. Занятие бредовое и бесперспективное, но – увлекательное. Увлекательное как для автора, который заметно наслаждается процессом, так и для читателя, который увлакивается вслед за ним в этот кишачий образами мир. Читая, легко сбиться с толку, но спасение здесь – это возможность продолжать из любого места, снова приступать с любой главы.

Местами страшно или смешно, местами пафосно и иронично. И везде – кинематографично, правда, наверное, только Дэвид Линч справился бы с экранизацией. Оглавление уже само по себе увлекает, открыв его, ловишь себя на желании ткнуть в каждый заголовок: что же там такое у этого слова будет связано с безумием? Примерно такое происходит, когда исполнитель выпускает новый музыкальный альбом – и в первый раз хочется слушать песни не по порядку, а по названиям, которые заинтересовали. А потом уже слушать целиком, от начала до конца, как готовое произведение.

Эта книга – прогулка, экскурсия по такому «Джуманджи», по играм разума. К прочтению стоит вернуться во второй раз и делать это неспешно – от первой главы до последней: эффект обещает быть мощным.

Кстати, чувств в книге нет вообще, там много интеллекта. Может, ее писал не живой человек, а андроид, SkyNet, нейросеть? Или она сама написалась? Тогда, видимо, нейросеть. А она может наслаждаться процессом? Господи. Нет, это уже какое-то безумие.

LM

Предисловие кинорежиссерки

Эта книга – исповедь. Она станет таковой для каждого, кто захочет и сможет признать свою безумную натуру. Но если вы чувствуете, что безумства мира вам уже достаточно, то не стоит читать даже предисловия. Как беспристрастный водоворот затягивает охотников за сокровищами на глубину морского дна, так и эта книга, раскрывая понемногу, а иногда, наоборот, помногу, безумство окружающего пространства, меняет ощущения от пребывания в нем. И если вы все же решились ее прочесть – будьте безумны, а если нет – то не жалейте о жизни без безумия.

Джейн Геринг

Предисловие гида-экскурсовода

Что общего между книгой и экскурсией?

Что общего между безумием и экскурсией?

Давайте разберемся. Неочевидно, но мне кажется, что хорошая книга больше всего похожа на хорошую экскурсию. Даже больше, чем на кино или иллюстрации. Как гид, автор проводит вас через сюжет – то, подобно Вергилию, ведя за руку, то, подобно Кафке, бросая в самых неожиданных местах, чтобы встретить после. При этом и книга, и экскурсия оставляют пространство для вашей фантазии – возможность додумывать историю.

Есть ли место безумию в экскурсиях и экскурсионном деле? Конечно. Историю творят герои и героини, а чтобы ими стать, нужна не только отвага, но и безумие. Верить в свои идеалы в самые сложные времена, отдавать жизнь за других, пожертвовать свое состояние ради общественных благ – в этом есть некая часть безумия. А такими историями и легендами насыщено большинство экскурсий.

Поэтому я рад, что вы держите в руках эту книгу. Желаю не только познавательного чтения, но и увлекательного путешествия в мир безумия – ужасного, доброго, пугающего, милого, разного, как и наша жизнь.

Н. Б., лицензированный гид-экскурсовод в Литве, посол Республики Ужунис

Вопль библиотекаря

Никакую книгу писать вообще не стоит. Книга – это зло, средоточие абсурдных нагромождений, безумных идей, безответственных и беспокойных слов и звуков, всего того, что закрепощает свободный бег человека, не позволяя ему слиться с окружающей действительностью в сером экстазе.

Никогда не пишите книгу. Она отнимет у вас все силы, вытянет все жилы, растлит душу, прибьет вас гвоздями к тому, что называется ничто, а взамен не даст ничего. Она обманет ваши ожидания. Она обманет вас. Она обманет всех. Она сама и есть ложь. Никакой урок того не стоит.

Никогда не пишите книгу. Она покроется пылью, сама превратится в пыль, а вас превратит в прах. Сотни и тысячи книг никогда не найдут читателя. Сотни и тысячи книг не будут прочитаны ни разу. Еще сотни и еще тысячи будут отброшены с гневным криком: «Говно!», еще столько же книг, отмеченных различными премиями, с криком: «Плагиат!» Убийство поэта – спасение дерева. Сожжение библиотеки – обретение бессмертия.

Никогда не пишите книгу.

Вера Тонких

Предисловие музыканта

Эта книга – как кружевной узор на зимнем стекле или как пестрая мозаика, открывающаяся в глазке калейдоскопа и завораживающая своей причудливостью, хрупкостью, изменчивостью.

Что увидит и почувствует каждый заглянувший в эту книгу-калейдоскоп?

– тысячу изысканных сплетений психического и художественного, в которых «безумный» взгляд автора на историю, музыку, Эдипа и динозавров... обнаруживает свой уникальный смысл;

– красоту и многосложность мира и человека, где «умное» нередко эфемерно, а «безумству» – «поем мы песни»...

Надеюсь, читатель захочет расплести клубок взаимодействий, названных автором «Безумие и...», чтобы высвободить свое понимание этого феномена.

Лариса В., Союз композиторов России

Предисловие юриста

Книга, которую вы, я надеюсь, собираетесь внимательно прочитать, является своего рода «энциклопедией общего гуманитарного знания». Автор с большой любовью и последовательностью погружает читателя в мир образов и отсылок к прекрасным произведениям, созданным лучшими представителями человечества. На мой взгляд, акцент на безумии лишь маскирует основной посыл автора, а именно просвещения, следования базовым принципам логики и здравого смысла, которого так не хватает в наших реалиях.

Роман Реймер, Казахстан

Предисловие зоозащитницы

Соприкосновение с этой книгой – путешествие в мир зверей и людей, и еще, конечно, безумия. Написанное хорошо вписывается в реальность, хотя, вероятно, все совпадения случайны.

Не стоит пытаться подходить к этой книге с рационализаторской или логичной точки зрения – это может быть опасно для здоровья.

Если хочется хоть немного посмотреть в бездну – эта книга именно то, что надо.

При прочтении может стать холодно или может стать жарко. И то и другое пройдет.

Могут возникать разные мысли. Это тоже пройдет.

Данное предисловие писалось мной с полной уверенностью в своем не-безумии, с абсолютной любовью к безумию.

Ангелина З., Витебск

Предисловие редактора журнала

Лучшим предисловием к этой книге стало бы молчание. Именно в молчании мы способны в полной мере ощутить безумие, которое существует внутри каждого из нас. Безумие вновь обнаруживает себя в паузах, в пробелах после каждого знака препинания, в просветах между абзацами. И чтобы вести с безумием диалог, но при этом хотя бы на какие-то промежутки времени быть свободным от его присутствия, нужно писать о безумии бесконечную книгу.

Полина Синёва

Предисловие студентки

Студенткам и студентам книгу читать не советую, потому что:

- 1) ничего не поймут;
- 2) поймут все неправильно;
- 3) поймут все правильно и сойдут с ума.

Ксения Г., студентка бакалавриата 3-го курса

Предисловие галериста

Автор (соавтор) разрешил мне писать о прочитанном все, что заблагорассудится.

Больше года назад он выслал мне свою книгу в электронном варианте, я сразу ее начал читать. Прочитал с интересом какое-то количество глав. Понял, что можно читать с любого места и в любом направлении, а мне это всегда нравится. Хотел написать много хороших слов. Однако сразу обратил внимание – а не обратить невозможно – на слово «безумие», и мне оно очень не понравилось. Мне не понравилась и частота его употребления, и его контекст, и его любовное смакование. На мой вкус, все это выглядит очень кокетливо со стороны автора. Очень надеюсь, что это маленькое, частное замечание не разрушит всю книгу, хотя понимаю, что замахнулся на святое, на, быть может, самое главное в книге.

И вдруг открылось оглавление! Оказалось, что я прочел только мизер. Книгу я скопировал, потом что-то произошло, и я потерял ссылку.

Только три дня назад получил еще один экземпляр, сегодня скопировал 100 из 257 страниц и прочел I.П.25; 24, 23. Но что такое? Глава об образовании. Какое еще безумие? Такое разумное изложение, такие аккуратные главы и их нумерация.

В главе I.П.22 понравилось «(тот выпадает из корзины)».

В I.П.21 понравилось «ворон вьет гнездо на виселице», глава состоит из перечня клише и подшучиванием над ними.

Внезапно захватила глава I.П.20 о Смерти.

В I.П.17 – понравилось «я не такая уж крупная рыба», но самого «безумия» по-прежнему ноль, и я не буду больше этого «безумия» ждать, его не будет, я это давно понял. Но могут мелькать поэтические строчки, а то и поэзия, вот это-то я и буду вылавливать.

I.П.S-2.16/17. понравилось «из-за его спины кто-то выглядывает». И все.

В I.П.15 – вот это:

Это справедливо.

Это гуманно.

И, главное, это полностью соответствует истине.

С этим ничего нельзя поделать.

Но в целом я люблю рефлексивную, дневниковую прозу. И чем непосредственнее, чем безогляднее она написана, тем она мне ближе. Поэтому я и дальше буду читать эту книгу, закрывая глаза на бесконечные оговорки о чье-то там «безумии» и ища поэзию и детские «оплошности».

Алексей

Предисловие художника

Эта книга беспросветна в своем чистом сиянии, бесславна в своем величии, бескрайна в своей узкой направленности, бесплодна в своих деяниях, бесплотна в своем бытии, бессмертна в своих авторах, безумна в своей мудрости.

Преподобный отец Павел Брат

Предисловие школьного учителя

В предисловии, видимо, всегда надо говорить о возможной необходимости встречи с книгой. А чем еще может быть предисловие, как не предъобъяснением, как не подготовкой к книге.

Увы, я, наверное, возьму другую роль, роль предостерегающего от этой книги.

Помните, в книге Джерома Сэлинджера «Над пропастью во ржи» есть образ подростка, бегающего во ржи за малыми детишками, чтобы не допустить их возможного падения в пропасть, которая рядом с полем. Образ нашего детского блуждания в мире, где нет фатального края, фатальной границы, – это очень важный образ для понимания книги о безумии, потому что любое понимание безумия – это поход к границе.

Можно всю жизнь превратить в блуждание, так и не приблизившись к краю, за который можно заглянуть не только зрением, но и всей душой, всем складом ума, всей возможной способностью творить формулы, которые сообщали бы глядящему о происходящем за краем ограниченного.

Большая часть человеческого не может даже помыслить этой границы, не говоря уже о том, чтобы размышлять о безбрежном. Помыслить границу – это как помыслить о безумном. Но это самая первая опора для мышления. Потому что, как только мы приближаемся к границе, мы тут же осознаем не только бездну пропасти, но бездну той ржи, в которой мы по-детски блуждаем. Осмыслить две бездны – это и есть поход к настоящему безумию.

Книга о безумии, кем бы она ни писалась, когда бы она ни писалась, какие бы точечные послы ее ни рождали изнутри человеческих отношений здесь и сейчас, всегда остается книгой, жонглирующей образами. Поход к образам остается единственной нитью, связывающей то, о чем мыслит автор, с хоть каким-то реальным миром, пусть бы даже реальность его была подвергнута жесточайшему сомнению.

Но поход за образами – довольно жестокое занятие, потому что это поход все же не за тонкой нитью реальности, а за отражением этой нити, это поход за желанием быть понятным тем, кто возьмет книгу в руки. Протянуть руку к другому человеку и обречь его на участь захлебнуться в культурной ткани образов удобного мира, окружающего нас и опасющегося похода к границе. Но пока еще живущего детской беззаботностью бескрайности того места, в котором мы заигрались, из которого нам видна лишь успокаивающая безбрежность доброго синего моря и стена теплой ржи, окружающей нас.

А вы уверены, что вы хотите покинуть «разумный» мир собственного обмана? Книга не приведет вас к миру, стоящему за границей разумного. Книга не объяснит вам саму границу. Книга только разочарует вас в единственной опоре вашего «здесь и сейчас». Да, это начало пути, и он длинный, много длиннее, чем отведенная вам жизнь. И это ведь путь не в никуда. Это вполне себе путь, и он есть. Но куда он ведет, вы не узнаете никогда. Нужно ли вам идти из этой теплоты детской игры в осознанную реальность?

Думайте сами.

Валентин И.

Предисловие правозащитницы

Это удивительная книга. Ты начинаешь ее читать и вдруг понимаешь, что это она читает тебя. Безумием часто называют довольно разные вещи, и среди них – интеллектуальное мужество. Безумцам позволяют говорить то, за что «люди нормы» могут поплатиться головой. Поэтому безумие выступает фрактальным порядком. Безумие порождает новые смыслы. Безумие становится источником свободы. Неудивительно, что многие считают ничем другим как безумием то дело, которому я и другие люди посвятили годы своей жизни.

Леся Л., Берлин – Львов

Предисловие университетского преподавателя

Эта книга «о сумасшествии» появилась в темные времена и, полагаю, неслучайно. Возможно, что выход «безумной книги» поможет уберечь себя в духовно-моральном плане не только автору, но и тем, кто решится эту книгу прочитать.

Harold Hagel, СПб., преподаватель университета

Посвящается с любовью и искренними извинениями всем, кому я принес боль и страдание в этой жизни.

Авторские предуведомления к первому тому

Предуведомление № 1

Эта книга написана для одного читателя, который, скорее всего, не прочтет ее. Она писалась для Дорогого Мироздания.

Ее, видимо, не поймут те, у кого *нет* серьезных психических расстройств. Топология их психики совершенно иная, и мои аналогии будут неприменимы к их жизни.

И ее, наверное, не поймут те, у кого *есть* серьезные психические расстройства, ибо их психический профиль уникален и сильно отличается от моего.

Поэтому мы оставляем надежду быть понятыми. Это может произойти только в случае совершенно невероятных совпадений и фантастических обстоятельств, которые, тем не менее, присутствуют в этом мире.

Итак, мы обращаемся к Мирозданию.

Но есть еще исследователи и специалисты, которым может быть интересен единичный пример безумия. Есть шанс, что это может им пригодиться, несмотря на затруднения в обобщении изложенных мной образов, метафор, гипотез и положений.

Предупреждение № 2

Этот текст писали несколько человек в разное время, поэтому он не претендует ни на стройность, ни на системность, ни на последовательность, ни на логичность.

Поэтому его можно читать в любой последовательности или не читать вовсе, но если вы всего лишь узнаете о его существовании – он уже соприкоснется с вами.

Лучше всего прочесть предисловия и навсегда забыть об этой книге.

Впрочем, все эти советы совершенно безумны.

Предупреждение № 3

Слово «безумие» я не отношу к людям, страдающим психическими расстройствами.

Я отношу его исключительно к своему состоянию.

Оно входило в меня много лет, и для того, чтобы его заметить, мне тоже понадобилось много лет.

Все совпадения с другими людьми случайны, при написании книги ни одно животное не пострадало.

Предупреждение № 4

В этом тексте мы будем часто использовать местоимение «мы». Но это не означает, что имеет место идентификация с какими-либо группами людей, связанных или не связанных с психическими расстройствами.

Под «мы» понимается исключительно совокупность «главных соавторов» и авторских личностей.

Иногда тем не менее будет встречаться местоимение «я». Это не будет означать позицию «интегрированной личности», а лишь голос, который хочет явить себя как «я».

Это может слегка путать, но тут уж ничего нельзя поделать – так пишется эта книга.

Предупреждение № 5

Как читать эту книгу?

Никак.

Если она попала к вам в руки – сожгите ее.

Если она вам приснилась – немедленно просыпайтесь.

Если вам про нее рассказывают – залепите уши воском и возьмите в руки арфу.

Если вы сами начали ее писать – свяжите себе руки за спиной.

Если же вы в нее попали случайным образом – попробуйте вынырнуть. Если не получится – вы пропали.

Предупреждение № 6

Диагнозы, которые мне ставили разные психиатры в течение жизни

Читатель предупрежден!

199*

Маниакально-депрессивный психоз (МДП) / Биполярное аффективное расстройство (БАР) – F31

2018

Биполярное аффективное расстройство (БАР) – F31

Смешанное тревожное и депрессивное расстройство – F41.2

Эмоционально неустойчивое расстройство личности (ЭНРЛ) – пограничное расстройство личности (ПРЛ) – F60.3

2019

Биполярное аффективное расстройство (БАР) – F31

2020

Обсессивно-компульсивное расстройство – F42

Генерализованное тревожное расстройство – F41.1

Посттравматическое стрессовое расстройство – F43.1

Расстройство приспособительных реакций (расстройство адаптации) – F43.2

Смешанные диссоциативные [конверсионные] расстройства – F44.7

Шизоаффективные расстройства – F25.2

Обсессивно-компульсивное расстройство личности (ОКРЛ) – F60.5

Посттравматическое стрессовое расстройство – F43.1

Шизотипическое расстройство – F21

Смешанные диссоциативные [конверсионные] расстройства – F44.7

В марте 2021 года на городском психиатрическом консилиуме были поставлены/подтверждены три последних диагноза.

Предупреждение № 7

Все личности и существа, которые встречаются на страницах книги, – это те, кем я был в одной из жизней или с кем я встречался в одной из жизней: здесь нет незнакомцев.

О подробностях многих встреч я пока не готов писать, но могу рассказать при личном общении (даже если вы сами – одна из моих субличностей либо вообще несуществующая персона).

Авторские пояснения к первому тому

Пояснение № 1

Нумерация глав нужна вовсе не для того, чтобы книга читалась в определенном порядке. Это всего лишь первоначальный «адрес» глав, место их «первоначальной прописки», расположение глав/«деталей» в «коробке» книги как конструктора, из которого можно собирать самые немислимые фигуры.

Пояснение № 2

Каждый желающий может стать соавтором и даже автором (!) новой книги, точнее – собрать из глав/«деталей» свою собственную, выкинув то, что покажется лишним, и, возможно, дописав что-то от себя.

Мы ждем предложений по выпуску таких «соавторских книг».

beingandmadness.online

MadnessBeing@gmail.com

Я не единственный участник этой истории и не единственный ее автор. Честно говоря, я вообще не знаю, кто тут главный герой и кто рассказчик.

Урсула Ле Гуин. Левая рука Тьмы

Подлинный разум не тот, что свободен от любых компромиссов с безумием, а тот, что напротив, почитает своим долгом осваивать предначертанные безумием пути.

Мишель Фуко

Лев устало посмотрел на Алису.

– Ты кто? – спросил он, зевая после каждого слова. – Животное?.. Растение?.. Минерал?..

Не успела Алиса и рта раскрыть, как Единорог закричал:

– Это сказочное чудище – вот это кто!

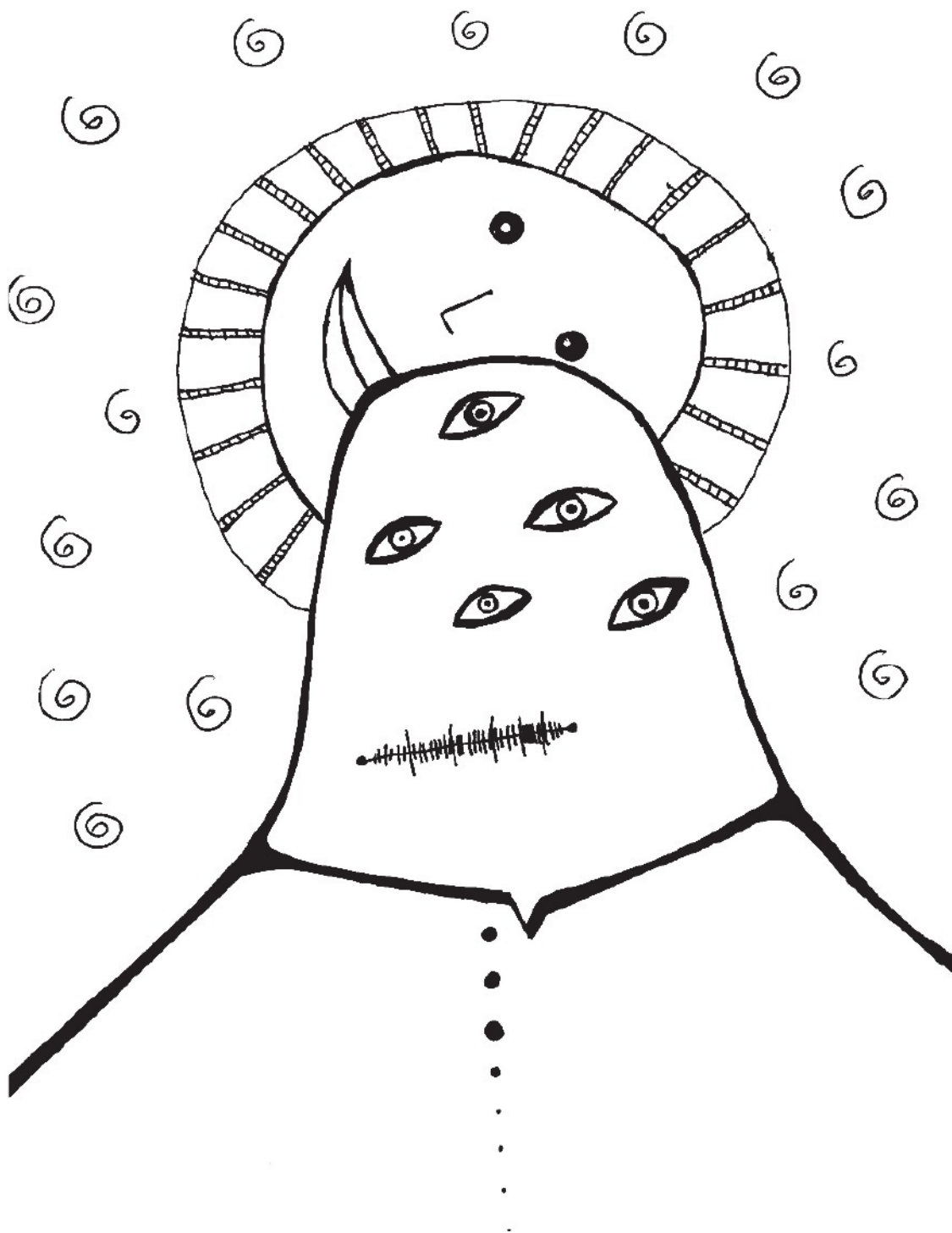
Льюис Кэрролл. Алиса в Зазеркалье

Я брат драконам и спутник совам.

Книга Иова

Часть I Метафизика и тишина

І.І.01. Безумие и встреча

Однажды мне было очень страшно. Так страшно, что я чувствовал, как холодная неизвестность проникает сквозь мои ребра. Так страшно, что я не чувствовал, что в мире есть что-то еще, кроме этого страха. Так страшно, что к горлу подступило ничто. Но мне хватило сил подойти к книжной полке и взять первую попавшуюся книгу.

Это были «Арабески Безумия» Джейн Гинсбург. Я уже забыл, где и когда купил эту книгу, и вообще забыл о ее существовании. Но сейчас это была настоящая встреча.

Джейн была философом, психоаналитиком, поэтессой и достаточно оригинальным художником. Она провела в психиатрических клиниках в общей сложности более семи лет и именно там начала изучать психоанализ.

Гинсбург не могла больше месяца работать с одним и тем же психиатром, и это вызывало серьезные сложности для ее пребывания в лечебницах. Кроме того, она часто влюблялась в других пациентов, в том числе – совершенно невменяемых, воображая их непризнанными гениями и «путешественниками в страну Безумия». Все ее любовные истории заканчивались трагично, иногда приводя к попыткам суицида с обеих сторон.

«Арабески Безумия» похожи на «записки душевнобольного», но при этом в них много философии и поэзии.

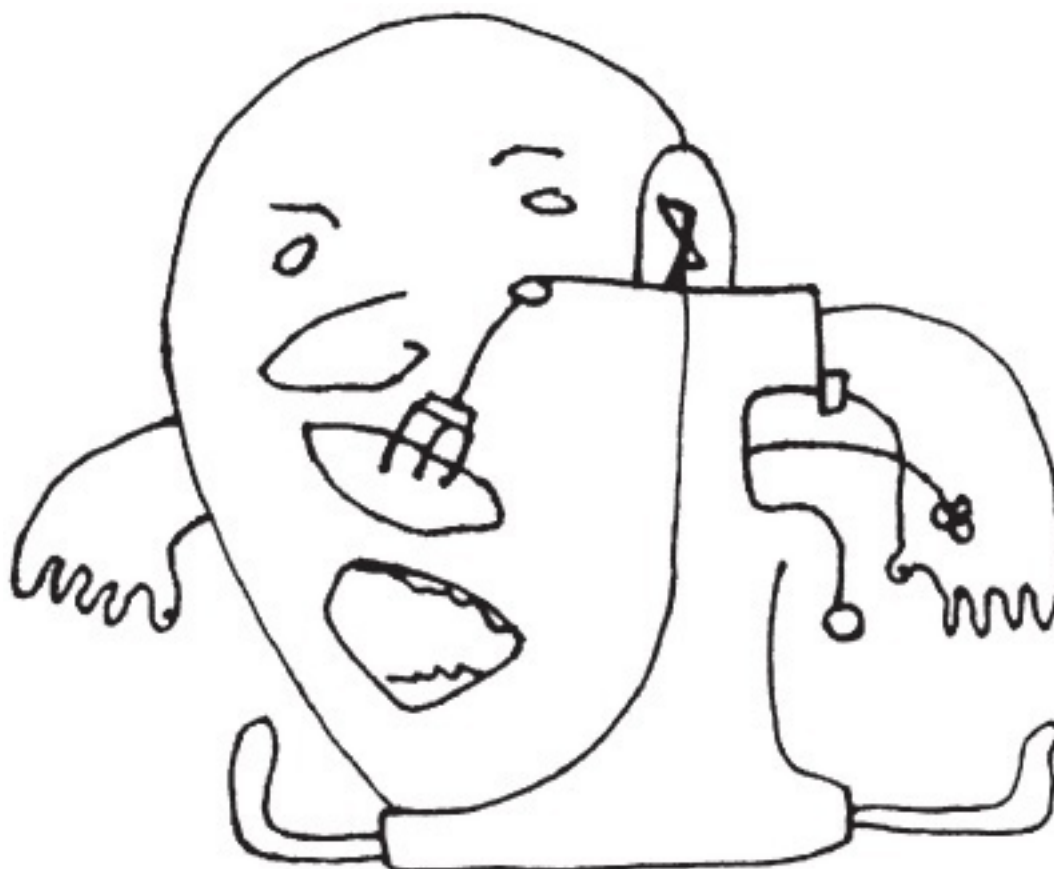
«Арабески» сперва усилили мой страх, но по мере чтения я начал погружаться в авторские миры, забыв про свои собственные. Я погружался – но при этом оставался независимым читателем, и это помогало мне остаться еще и наблюдателем, следящим не только за текстом, но еще и за самим читателем. Страх отступил, и на его место пришло нетерпение сердца.

I.I.02. Безумие и отрицание

Нам очень тяжело признать собственное безумие. Это нарушает законы логики [см. «Безумие и логика»]. Это раскалывает наше сознание на новые части, которые плывут в темной тишине. Они, эти части, рассказывают нам о разном, во что мы не можем поверить, но обнаруживаем, что не верить в это тоже невозможно. Мы отрицаем свое безумие, как привыкли отрицать некоторые части себя. Притом, что наше безумие не совсем принадлежит нам, а мы не совсем принадлежим ему. Мы не можем вобрать его в себя целиком, его края свешиваются наружу и создают явления, которые мы не можем воспринимать как принадлежащие нам. Нам проще отказаться от этой картины вовсе, чем попытаться понять и принять ее. Наше отрицание создает иллюзию целостности и дарит несбыточные надежды.

І.І.03. Безумие и логика

У каждого безумия своя логика. Попытка подойти к безумию с позиции «классической» логики является безумной. Безумие создает собственную логику, но не следует ей. Оно строит уникальную логическую систему и тут же начинает ее опровергать и ломать. Эти два противоположных процесса потребляют значительное количество энергии. Это происходит даже в периоды ремиссии, но тогда отследить эти явления значительно труднее, они уходят с поверхности и продолжаются на глубине. И они прекращаются только с полным уходом безумия, возможно – вместе с его носителем.

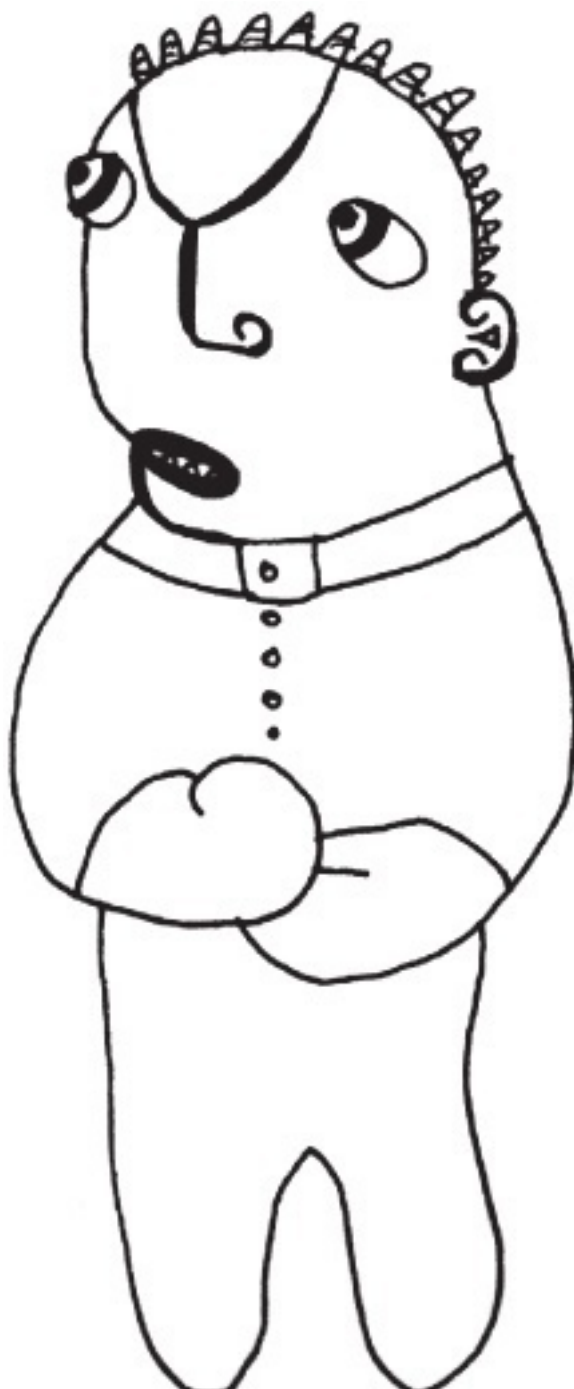
I.I.04. Безумие и реальность

Реальности нет. Но не в том смысле, что ее нет совсем. Она периодически является в странных одеждах и напоминает о том, что ее нет. Эти явления реальности вызывают тоску и головокружение, которые особенно сильны в присутствии безумия.

Реальность, которой нет, распределена неравномерно. Во многих местах она очень разрежена, и сквозь нее проступает Ничто [см. «Безумие и Ничто»]. А вокруг некоторых точек она сгущается до плотной массы, порождая Нечто [см. «Безумие и Нечто»]. Здесь ее можно потрогать руками и даже собрать в лукошко. Но как только мы отдаляемся от точки сгущения, мы обнаруживаем, что лукошко пусто. Это игра [см. «Безумие и игра»]. И безумие мешает нам чувствовать вкус этой игры. Оно заполняет отсутствующую реальность своими порождениями. Но это не чудовища – это всего лишь одинокие беспомощные дети.

I.I.05. Безумие и страх

Безумие боится само себя. Боится до такой степени, что прячется от себя под диван и делает вид, что его не видно. Эти прятки могут длиться бесконечно. Только если научить безумие не так сильно бояться, можно попытаться прекратить и эту игру. И тогда безумие может высунуть из-под дивана голову и увидеть, что безумие-на-диване не так ужасно, как хотело бы выглядеть. В этом случае безумие начинает больше бояться собственного страха, чем себя, и страх становится отдельным протагонистом, с которым можно вступить в контакт и определить – пусть и очень приблизительно – его границы [см. «Безумие и границы»].

I.I.06. Безумие и психиатрия

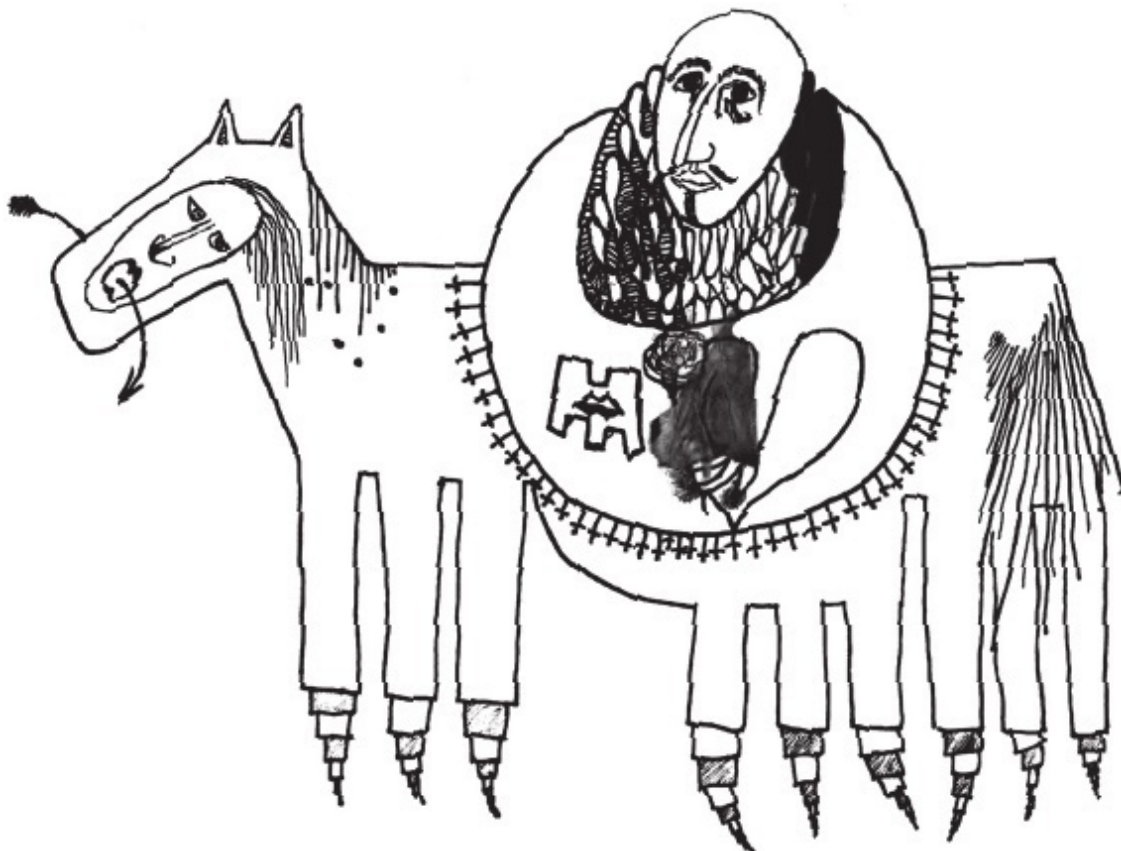
Как сказал мне профессиональный психиатр, *такая постановка проблемы и корректна, и некорректна – одновременно. С одной стороны, понятно, что речь идет прежде всего о психических расстройствах или заболеваниях. А с другой – сам термин «безумие», разумеется, не употребляется в профессиональной среде; сейчас принято говорить о «расстройствах». К тому же, если брать буквальное значение слова – «без ума», то многие ментальные расстройства не связаны напрямую с поражением именно когнитивных способностей, могут быть совершенно другие типы особенностей, например, проблемы с памятью, настроением, множественными личностями и т. п.*

Связано ли нынешнее увеличение количества диагнозов с особенностями нашего времени? Во-первых, действительно растет их число, например, неврозы, невротические расстройства. Их точно стало больше, и это отчасти связано с новыми вызовами и новыми требованиями, которые предъявляются к личности: люди не успевают адаптироваться к быстрым переменам в стиле жизни и новым культурным кодам. Во-вторых, современная психиатрия стала точнее ставить диагнозы, растет обращаемость пациентов, психиатрия становится более гуманной и менее пугающей, снижается стигматизация людей, страдающих теми или иными расстройствами. В любом случае ситуация сейчас совсем другая, чем была, скажем, 100–200 лет назад.

I.I.07. Безумие и Дон Кихот

Дон Кихот недостаточно безумен. Он безумен настолько, чтобы быть непонятым для «нормальных» людей [см. «Безумие и норма»], и недостаточно безумен, чтобы совершить скачок в иной мир. Он, конечно, совершит этот скачок, но мы его уже не увидим. Для этого он будет вынужден убить Дон Кихота, а вместе с ним – и недоношенное безумие.

Дон Кихот периодически ныряет в более глубокое безумие, но через какое-то время выныривает, ибо недостаточно тяжел, чтобы погрузиться в него навеки, и недостаточно легок, чтобы взлететь над ним. Мы, если примем весь его опыт и неподтвержденные догадки, можем быть способны и на то, и на другое. Но можем просто застрять на границе [см. «Безумие и граница»], как насекомое в янтаре, и изумлять редких прохожих.

© Сухотин И., ил.

I.I.08. Безумие и дон Хуан

Командор ордена Калатравы показывался миру только днем. И никто не знал, что иногда ночами именно он появлялся в разных местах Севильи под именем дона Хуана, слегка изменив внешность (это происходило в дни, которые в календаре обозначены простыми числами до 31). Несмотря на то, что дон Хуан вел странную и бурную жизнь, он сильно любил свою жену, донну Анну. И когда он симитировал свою смерть – как Командора – от рук «этого ужасного дона Хуана», он захотел проверить, сумеет ли – теперь уже в качестве оставшегося на Земле Хуана – соблазнить собственную вдову. Ему это почти удалось.

Есть масса версий его жизни – от самых ужасных до самых романтических; и XIX, и XX века дали множество вариантов – от Эрнста Теодора Амадея Гофмана до Карела Чапека; существуют даже версии, что дон Хуан был женщиной, или механической куклой, или «Человеком Абсурда». Все эти гипотезы отчасти верны.

I.I.09. Безумие и дон Румата

Трудно быть Богом. Еще труднее им не быть. Пути [все] могущества требуют особого типа дисциплины и послушания. Безумие предлагает такие пути. И наши тонкие крылья, позволяющие взлетать и наблюдать сверху за текущей внизу жизнью, часто с трудом выдерживают наш вес. Безумие бьется в интервале между полным всемогуществом и абсолютным бессилием. Это биение, эта вибрация способны породить миры, в которых возможно наше вмешательство в саму структуру происходящего. Социальное начинает течь сквозь наши пальцы так же, как ментальное. Если смотреть на это взаимодействие с социальным с разных точек метареальности, то всегда найдется ракурс, с которого иллюзия нашей способности многое менять перестает быть иллюзией и открывает прежде закрытые ворота.

І.І.10. Безумие и время – 1

Время – это величайший обман. Точнее, обман не само «время», а представление о нем как об одномерном однонаправленном потоке, который тащит нас из «прошлого» в «будущее» и якобы всегда позволяет нам присутствовать лишь в «настоящем». Время – это двумерная неровная поверхность с впадинами и холмами, сложным ландшафтом и глубокими бороздами в виде пространственных кривых.

Безумие подсказывает нам именно такой образ. И оно же позволяет нам выйти из линейного одномерного потока и сделать первый шаг «вбок». Такое ощущение времени малофункционально и порой даже опасно, но дает возможность прокладывать по поверхности сложные траектории и новые линии сопряжения.

I.I.11. Безумие и пространство

Безумие искривляет пространство не меньше, чем силы гравитации. «Безумный» наблюдатель влияет на свойства пространства совсем не так, как наблюдатель «нормальный» [см. «Безумие и норма»].

Когда «обычные люди» описывают пространство, они, как правило, представляют себе безразмерную трехмерную полость, в которую помещены разные объекты. Но, во-первых, само пространство зависит от этих объектов, а во-вторых, оно вовсе не трехмерно, а как минимум семимерно. И это мы еще не упоминаем о смежных Вселенных [см. «Безумие и миры»].

Безумные люди видят пространство совсем иным образом, и они нередко даже понимают, насколько влияют на его структуру [см. «Безумие и структура»]. Есть отдельная топология «безумных пространств», классификацию которых ввела в обиход выдающийся математик Элеонора Кривич. Это не просто неевклидова геометрия, но геометрия дискретных миров.

Пространство всегда связано с *веществом (массой)*, *временем* и *энергией*, но для «безумных пространств» эта связь является значительно более сложной, чем привычные физические формулы. Именно на пересечении этих четырех явлений живет Ничто [см. «Безумие и Ничто»], и именно здесь рождаются новые идеи, языки [см. «Безумие и язык»] и драконы [см. «Безумие и драконы»].

І.І.12. Безумие и энергия

Безумие – это энергия, которая замкнута сама на себя. В безумии, как в любой неравновесной системе, заключено много энергии, но она чаще всего расходуется на внутренние цели самого безумца или расплывается вовне хаотичным и непредсказуемым образом.

Если научиться выделять эту энергию и перерабатывать в привычные для людей виды и формы, безумие могло бы стать двигателем многих важных событий. Есть безумцы, которые осваивают эту технику, и тогда их безумие вырывается наружу направленным концентрированным потоком и может как смывать целые города, так и отапливать целые страны.

Энергия безумия подчиняется всем классическим законам (сохранение массы/энергии) и может быть выражена все той же эйнштейновой формулой.

Психиатрические клиники «четвертого поколения», где научились использовать энергию безумия в качестве источника индивидуального и социального творчества, давно перешли на самоокупаемость и работают весьма эффективно.

Существует несколько основных форм «энергии безумия», главная из которых – собственно «*безумная энергия*». Ее легко опознать по слабому зеленому свечению и звуку капающей воды.

І.І.13. Безумие и Аполлон

Безумие погружено во тьму, но его пронзают лучи света. Безумие иррационально, но стремится к созданию рациональных структур. Оно пытается выстроить непротиворечивую схему из имеющихся в наличии противоречий. Безумие как прибой подступает к ногам Стреловержца и затем отступает, не выдерживая жесткости его конструкций и ясности целей, намеченных им для его стрел. Контакт ненадежен: безумие не способно к такой предельной стройности, хоть и ищет ее. И безумие отвечает Аполлону вихрями и стустками липкой темноты, а он продолжает свое дело, проникая своими лучами в самые сердцевины этих возмущений.

I.I.14. Безумие и Дионис

Дионис живет в безумии. Его безумие совершенно иного рода, чем человеческое. Но он позволяет и людям – через темные аллеи вакхического безумия – стать ближе к себе и своей музыке.

Безумие – это всегда трагедия. Даже если она с первого взгляда кажется комедией. Это песнь козлов, осознающих, что каждый из них в любой момент может стать – ибо уже приготовлен – козлом отпущения.

Безумие Диониса в трех точках соприкасается с нашим безумием. Эти точки расположены во всех трех мирах, соединенных Священным Древом. Потому мы можем – через свое безумие и безумие Диониса – обрести его голос. И тогда нам явится Ариадна и протянет новую нить.

I.I.15. Безумие и Гермес

Безумие всегда таинственно. Даже если нам кажется, что оно целиком выставлено наружу, в нем всегда есть скрытая часть. И нередко это сокрытое – как у айсберга – составляет большую часть всего существа безумия.

Тот, кто является за нашими душами, Гермес, способен видеть наше безумие целиком. Его кадуцей погружается в пустоты нашего сознания и создает крошечные звезды, которые потом собираются в созвездия.

Психопомп скользит между мирами, но лишь пронзает, а не разрушает их стенки. Его движения точны и незаметны. Он служит тайне. И если на то будет его желание, может пригласить и нас присоединиться к этому служению.

I.I.16. Безумие и одиночество – 1

Безумие создает двойное одиночество и, можно даже сказать, одиночество онтологическое. Безумец чувствует себя одиноким в окружении «нормальных» людей, ибо они не способны войти в его безумие и разделить его. Но он чувствует себя вдвойне одиноким среди других безумцев [см. «Безумие и безумцы»]: их безумие создает обманчивое чувство, что настоящее взаимопонимание – возможно, однако завершается все полным крахом, ибо каждое безумие уникально, как отпечатки пальцев, и фильтр двойного безумия – своего и чужого – ведет к ощущению полного и безысходного одиночества, которое лишь слегка компенсируют нечеловеческие существа и объекты и психотические фантазии.

I.I.17. Безумие и порядок [Безумие и Космос – 1]

Безумие – это не хаос. Это особый порядок, проступающий сквозь лицо хаоса. Точнее, это сосуществование порядка и хаоса в одном флаконе – без всяких перегородок; при этом они почти не смешиваются.

Порядок, или «внутренний космос», можно наблюдать, вооружившись философской лупой (вытачивается из куска философского камня).

Безумие – как порядок – выстраивает более-менее устойчивые структуры [см. «Безумие и структура»], которые, как у любой эмерджентной системы, несводимы к отдельным ее элементам.

Одновременно безумие выбрасывает наружу – как осьминог выпускает чернила – иллюзию порядка, чтобы стать невидимым, и чтобы скрыть свой собственный порядок.

Эту иллюзию, каждый раз разную, внешний наблюдатель и принимает за «порядок безумия» и на этом успокаивается.

I.I.18. Безумие и Хаос

Безумие – это хаос, в котором плавают капли порядка (космоса). Периодически одни капли «растворяются» и превращаются в хаос, а другие – становятся очагами кристаллизации, сгущения окружающего хаоса до порядка.

По ту сторону и хаоса, и порядка лежит «хтон» – обиталище деструктивных энергий, которые, в отличие от хаоса, несут зернам порядка полное уничтожение. Когда части хаоса преобразуются в порядок, эти энергии возникают и тут же выбрасываются в хтон как ненужный шлак. При обратном процессе – превращении порядка в хаос – они, наоборот, расходуются.

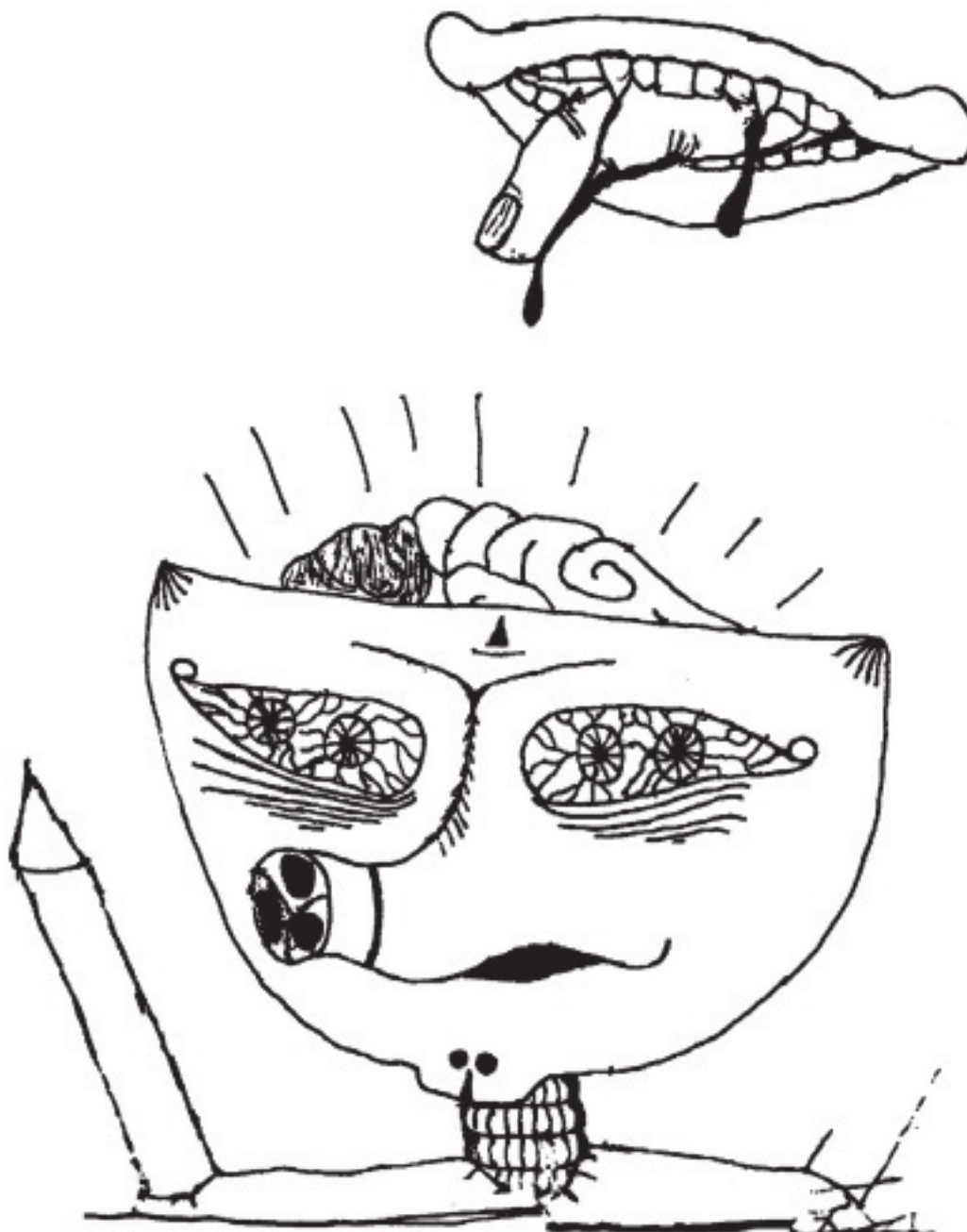
Хаос полон древних энергий, значительно более древних, чем Homo Sapiens. И если Шопенгауэр считал безумие исключительно атрибутом существ, наделенных человеческим разумом, а вопрос о безумии животных надо ставить отдельно [см. «Безумие и животные»], то именно нашему взору открываются Хаос и Космос, стягиваемые и раздираемые безумием [см. «Безумие и Космос – 2»].

I.I.19. Безумие и разум – 1

Безумие делает вид, что способно уловить разум, дифференцировать, выделить его и таким образом дать ему слово.

Не безумие поселяется внутри разума и расшатывает его, но разум со всех сторон окружен безумием – сверху, снизу, со всех сторон. Разум продолжает жить внутри любого безумия, но отращивает защитные оболочки, сквозь которые к нему становится трудно пробиться не только безумию, но чему угодно.

Безумие же в пространствах вокруг разума имеет разную природу и структуру, и это создает силовые поля безумия, в которых разум вынужден существовать.

© Миронов Н., ил.

І.І.20. Безумие и Бытие

Бытие есть основание, а потому – предел сущего. Именно в предельном улавливании сущего мы можем разглядеть бытие.

Оно проявляется и по эту, и по ту сторону сущего, но является нам именно в его (сущего) предельной ситуации, давая ему особый смысл.

Бытие человека высвечивается в приближении к своему пределу, а именно – как бытие-к-смерти или бытие-к-безумию. В отдельных случаях они совпадают. Оба предела связаны с трансцендентным [см. «Безумие и трансцендентное»], с переходом в иные миры.

Человеческое бытие окружено слоями мифов [см. «Безумие и миф»], ибо его непосредственное соприкосновение с «бытием мира» опасно для психики.

Бытие живет в языке [см. «Безумие и язык»], оборудует там отдельные апартаменты, офисы и даже скверы для прогулок. Бытие безумцев [см. «Безумие и безумцы»] сооружает в языке психиатрические лечебницы и пространства для ретритов.

Есть отдельные профессии, связанные со способностью вылавливать сгустки бытия из языка, но этому нужно учиться не менее 19 лет.

Бытие умело скрывается за занавесями сущего [см. «Безумие и сущее»], и, чтобы их раздвинуть, требуется определенная интеллектуальная смелость.

Бытие не может быть безумным, но безумие – всегда бытийно и потому способно вызывать ужас [см. «Безумие и ужас»] и свидетельствовать о Ничто [см. «Безумие и Ничто»].

I.I.21. Безумие и история

Об этом мне рассказали много; здесь не уместится и половина.

Можно говорить о двух вещах:

(1) Безумие в самой истории;

(2) Безумие в изучении истории.

Первое значительно проще, второе – сложнее и богаче.

(1) Здесь речь идет о двух основных «типах» безумия, причем безумия деструктивного и опасного.

А. Безумие исторических личностей, прежде всего правителей. Это и комплекс неполноценности, и мания величия, и мессианская мегаломания, и садизм, и классические случаи некрофилии (Калигула, Иван Грозный, Гитлер, Сталин и др.). Такое безумие обычно заканчивается большой кровью.

В. Безумие народных масс: охота на ведьм в средневековой Европе, еврейские погромы из-за ложных наветов, бунты, связанные с эпидемиями чумы и оспы. Это явление, когда массы [см. «Безумие и массы»], состоящие в основном из «нормальных» людей, захватываются агрессивным безумием. «В смутные годы слепой всегда идет за сумасшедшим» (Шекспир, «Король Лир»). Иногда безумие охватывает целые народы или значительную их часть. Разговор об этом требует особых исследований и рефлексии.

(2) Изучение и интерпретация истории.

А. Так получается, что история весьма виктимна в принципе, так как не имеет наглядных доказательств, являясь при этом наукой со своими законами. Она как бы приглашает бесчестных или безумных людей к фальсификации, где популярный тезис воспринимается читателями на ура, а скучное повествование серьезного исследователя – неинтересно. Безумец может написать любую скандальную невидаль, и ему трудно оппонировать с позиции профессиональных исследователей. Нынешняя «любовь к истории» – это любовь к триллеру. История имеет разные варианты развития, и это привлекает как ученых, так и фальсификаторов и сумасшедших.

В. Есть еще «осознанное безумие» – целенаправленное вранье, которое старается обелить отдельные народы и страны. Первое здесь – выпячивание побед и замалчивание или отрицание всего негативного. Все дурное приписывается другим, а все прекрасное – своим. Второе – когда предметом гордости становятся совершенно чудовищные и безумные вещи, которые интерпретируются как безусловное благо, «традиционные ценности» и «национальные скрепы»...

I.I.22. Безумие и миры – 1

Мы живем во множественной Вселенной – со множеством миров. Некоторые из них – совсем рядом, на расстоянии ладони, некоторые – довольно далеко. Все они отделены друг от друга тонкими, но прочными и эластичными перепонками, и переход из одного мира в другой достаточно сложен и может вызывать сильную боль в голове и теле.

Одни миры существовали еще до нашего рождения, и нас забрасывает в них почти случайно, другие возникли одновременно с нашим рождением, третьи образовались как реакция нашей психики на неприемлемость для нас «имеющегося» мира в моменты знаковых переломов, четвертые появились в результате нашего обычного выбора (который раскалывает мир на несколько Вселенных в соответствии с представленной альтернативой; тогда те миры, что мы *не выбрали*, продолжают жить своей жизнью, и чувствительные люди могут сохранить с ними связь). Соприкосновение или попытка соединения двух и более миров вызывают настоящий ужас – они должны существовать отдельно и параллельно; тогда с этим еще можно как-то примириться.

I.I.23. Безумие и безумцы

Те, кого охватывает безумие, не всегда являются безумцами.

И не все безумцы являются протагонистами [см. «Безумие и протагонисты»] или Чрезвычайными и Полномочными Послами безумия, – иногда они ходят на вторых ролях или даже появляются один-единственный раз, чтобы принести чаю, яду или эликсира нежности.

Тем не менее связь безумия и безумцев статистически достоверна, и мы можем во многих случаях определять безумцев как *носителей безумия*. Тогда можно считать, что безумие через них говорит, предъявляет себя миру, обретает плоть и кровь, получает руки и ноги, сгущается в их телах.

Но безумцы, как и другие люди, весьма хрупки и недолговечны. А безумие пытается найти долгосрочное материальное воплощение, и потому велика вероятность, что рано или поздно безумие проникнет в компьютеры, цифровые системы и искусственный интеллект. Там оно сможет распространяться и развиваться в полную силу, рождая новые виды и формы безумцев.

I.I.24. Безумие и диссоциации

В нас живет немало разных личностей – весьма полноценных и сформированных персон, слегка недоношенных субличностей, странных и порой пугающих диссоциированных личностей. К этому сложно привыкнуть, и это тяжело контролировать.

Кто мы такие, что в нас смогли поселиться столь многие? Чем мы заслужили такое? Или – за что наказаны?

Все, что живет в нас, является нами и только нами, является не совсем нами и является совсем не нами – одновременно.

Это вовсе не то, что живет в пруду. Это вовсе не Енот или Наркисс, это не отражения и не проекция.

В нас живут странные личности и существа, для которых время течет по-разному (для кого-то оно вообще застыло), пространство устроено по-разному, энергия преобразуется по-разному. Некоторые из них вообще умерли, но продолжают существовать и обращаться к нам. Некоторые еще не родились, но уже подают свой голос. А некоторые – попросту невозможны.

I.I.S-1.24/25. Маг-1 [Суб-личности – I/01]

(1)

Маг оказался в коконе, который изолирует его со всех сторон. Он тот, для кого важны символы и указатели, кто способен читать тайные знаки и разговаривать со Вселенной. Сейчас он заключен в «Шар безумия», и этот Шар полностью лишает его всех магических свойств, сквозь него невозможно пробиться. Этот Шар присутствует во всех мирах, доступных Магу, от него невозможно отделаться, и это вызывает отчаяние.

Возможно, он лишен не магии, а зрения: быть может, он просто ослеп и не способен видеть.

Маг присутствует в разных мирах и личностях. Он – соцветие, а не одно растение. Он тот, кто потенциально способен менять внешний мир. Но сейчас это невозможно.

В настоящий момент у него нет никакой надежды выйти из Шара. Он его пленник.

(2)

Он пока безоружен. Его магия бессильна. Он потерял веру в себя. Его позы и движения говорят о глубокой подавленности и страхе новых неудач. Он ждет какого-то сигнала, знака, слова, чтобы продолжить попытки как-то справиться с Шаром. Но до него не доходят даже Голоса.

(3)

Иногда ему кажется, что сквозь толщу стенок Шара пробиваются какие-то лучи извне. В голове появляется предчувствие Голоса, но сам Голос так и не слышен. Маг совершенно один в своей маленькой Вселенной. Нет никого, кто способен хотя бы понять, не то что разделить, это космическое одиночество. Иногда он чувствует себя монстром, опасным для людей, который должен быть наказан пребыванием в этом безумном Шаре.

I.I.25. Безумие и норма

Мы не знаем, что такое «норма». У нее слишком много определений, и является она в слишком многих обличьях.

Она создает границы [см. «Безумие и границы»], которые должны обеспечивать безопасность, и они же являются инструментом насилия и принуждения.

Норма претендует на универсальность, при этом она всегда локальна. И чем сильнее она ощущает себя локальной и особенной, тем больше она претендует на абсолютность и всеобщность.

Норма ревнива, завистлива и мстительна. Она не прощает даже попыток вступить в отношения с не-нормой. Она вооружена микроскопом и мачете, она способна на вивисекцию [см. «Безумие и таракан»] и геноцид.

И она же оберегает нас от прорыва в наши вселенные хаотического безумия [см. «Безумие и Хаос»], который обладает силой титанов, низвергнутых в пропасть.

Ее нельзя не любить – до потери собственного разума – и ее нельзя не ненавидеть – до стиснутых в судороге кулаков.

Норма правит миром, загоняя безумие в чулан с пауками [см. «Безумие и чулан»].

I.I.26. Безумие и стена

Безумие видит стену там, где ее нет, и не видит стены там, где она есть. Это та самая стена, возле которой стоял полковник в ожидании расстрела. И это та же стена, что отделяет привычный мир от Штормхолда. Это стена, которую обычно призывают разрушить в решительных героических песнях. Она же играет роль изгороди, «по ту сторону» которой начинается Иное. Это та стена, которая ограждает город от внешнего мира, и она же разделяет его на враждующие части. И это – стена, на которой висит ружье [см. «Безумие и ружье»].

Безумие не помогает проходить сквозь стену, но может помочь просочиться сквозь нее, отчасти следуя принципам квантовой теории. Для этого нужно прежде всего отказаться: от цели, от веры в себя, от «незамечания» препятствий. Нужно увидеть атомы стены, закрепленные в пустоте, и больше не видеть ничего.

Самые крепкие стены – воображаемые.

I.I.27. Безумие и эпохи – 1

Начать нужно с маятника, доказывающего вращение земли, на котором раскачивался Мишель Фуко, пока не был изгнан из музея [см. «Безумие и маятник»]. Тогда он задумал описать историю безумия в классическую эпоху, а заодно – и в другие. Точнее – «историческое рассмотрение безумия в его становлении – в неразрывной связи с социальным и научным дискурсом эпохи».

Его интересовала прежде всего история *отчуждения* безумия, – «какие уравнивающие друг друга операции образуют его как целое, из каких социальных далей являются люди, вместе удаляющиеся в ссылку и гонимые одним и тем же ритуалом сегрегации, наконец, каков был опыт самосознания человека [в разные эпохи], когда он обнаружил, что некоторые привычные его черты становятся для него чужими, утрачивают сходство с узнаваемым им самим образом самого себя».

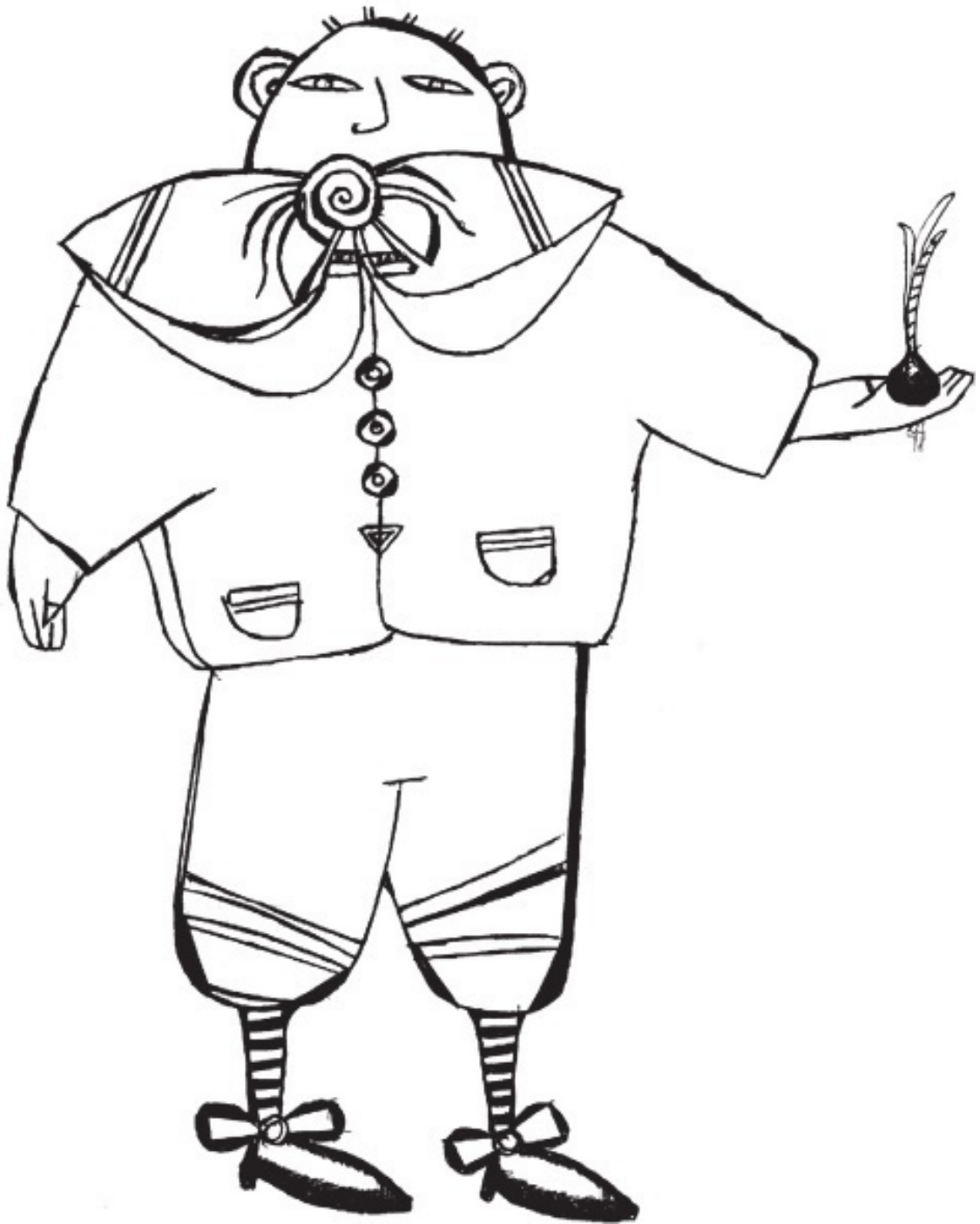
Сперва Фуко хотел назвать книгу «Иное безумие», подчеркнув переключку с цитатой Паскаля: «Люди неизбежно столь безумны, что было бы безумием впасть в *иное безумие* – не быть безумным».

При этом Фуко признает существование психических расстройств «как объективной реальности, существующей до возникновения любого научного дискурса»; а формы безумия определяет «дискурсом, в рамках которого они существуют и который различается от эпохи к эпохе».

Он считает, что «медицинский дискурс о безумии является продуктом практики изоляции» и что «положение вещей, когда безумие полностью узурпировала медицина, существовало не всегда».

А еще – что понятие «нормы» и «нормального человека» в психиатрическом смысле слова – лишь мыслительный конструкт, сущность и место которого становятся ясны только в контексте социального и культурного развития».

Отношение к самому Мишелю Фуко и его книге тоже менялось в разные эпохи, и сначала это текст вызвал ужас [см. «Безумие и ужас»].

I.I.S-2.27/28. Садовник [Суб-личности – 1]

(1)

Это мужчина лет 60 или старше. Очень внушительный. В смешной шляпе. Он работает в огромном саду.

Он говорит:

– Ты не знал обо мне.

О том, что я есть. И всегда был.

Я существую, и многое знаю о тебе.

Я еще вернусь, когда придет время, и мы сможем поговорить.

(2)

Он стоит, выпрямившись во весь свой огромный рост. В левой руке у него садовый инструмент. Его глаза смотрят вдаль.

Он говорит:

– Еще не пришло время. Ты слишком торопишься. Когда солнце изменится, я покажу тебе сад.

Он умолкает. Но губы продолжают шевелиться. В правой руке – веточка клена.

(3)

Он говорит:

– Я знаю других, что живут в тебе. Некоторые из них не знают даже о моем существовании. Многие из них испуганы.

Он снова молчит. Сильный порыв ветра. Он замирает и становится недвижим. Мне беспокойно.

I.I.28. Безумие и структура

Любое безумие разрушает любую структуру, и в то же время любое безумие может – на данный момент времени – быть описано некой структурой, которая изменится непредсказуемым образом уже в следующий момент.

Такова и эта книга. Тот, кто решится взять ее в руки во второй раз, обнаружит, что ее структура за это время изменилась, и не сможет найти многих глав, которые были в первый раз, и наткнется на совершенно новые главы, которых сначала не было.

Мы не будем здесь делать ссылки ни на структурализм, ни на постструктурализм (опытный читатель сам проделает всю эту работу), но в то же время не можем не упомянуть метаструктурализм, о котором писала в своей нашумевшей книге «Мета-структурализм и анализ одной деструктивности» Сара Экслер.

Структура пытается прорваться к нам сквозь любое безумие, а безумие старается прорасти сквозь любую структуру. Структура никогда не полна, ее всегда дополняет, как минимум, Ничто [см. «Безумие и Ничто»], а безумие всегда оставляет место для избыточных структур [см. «Безумие и избыточность»], и здесь возникает Нечто [см. «Безумие и Нечто»].

1.1.29. Безумие и философия – 1

Здесь мы не будем писать про «философию безумия» – об этом написаны уже сотни книг [см., например, «Безумие и эпохи»], равно как и о «безумной философии» (термин предложен Катериной Шмидт). Речь пойдет о более привычной, «обычной» философии.

Один философ говорил мне примерно следующее.

С одной стороны, если взять «классическую философию», то она основывается прежде всего на строгой логике (которая, быть может, не исключает полностью безумия). Впрочем, иногда за такой строгой философией стоит вовсе не смысл, а пустота, даже – опустошенность (что, естественно, нельзя назвать безумием). Философия основывается на системе доказательств, но и тут порой прорывается безумие.

С другой стороны, есть неклассическая философия, например, «философия жизни», и тот же Ницше был одержим безумием. Умный человек идет по проторенным путям, а безумец открывает новые дороги.

Таков в естествознании Эйнштейн, который прорвал плотину (но это не имеет отношения к Плотину) привычного. Циолковский, который взлетел, вышел на вторую космическую и покинул орбиту Земли. Таков Лобачевский.

Уже Шопенгауэр (который иногда применяется как лекарство) совершил прорыв, уход от рациональности: «Все, что существует, – неразумно. И разум вторичен по отношению к воле, воле к жизни».

Кьеркегор своим полубезумием вызвал страх и трепет, вышел за пределы разума и позвал нас с собой.

I.I.30. Безумие и корабли – 1

Любой корабль – это всегда и Корабль Героев и Корабль Дураков.

Тот, кто пишет эту главу, пытается увидеть всю книгу целиком. Это ему удастся с трудом. Другие зовут его *Навигатор*. Он умеет строить корабли, поэтому хочет, чтобы эта глава отражала целостность всей книги.

В соответствии с *Законом Лема*: «Вынырнув из конфигурационного пространства в реальное, дракон выглядит словно множество драконов, хотя в сущности они – единое целое, подобно пяти внешне совершенно независимым друг от друга пальцам руки, показавшимся из воды», – это закон единства и множественности [см. «Безумие и множественность»] драконов. Согласно *Закону Лема – Словики*, все корабли, появившиеся в реальном пространстве, – это один и тот же корабль.

Эта книга – большой корабль, внутри которого есть эта глава, тоже являющаяся небольшим кораблем, которая содержит в себе, в свою очередь, весь корабль, внутри которого спрятан еще один корабль, и так далее.

Эта глава и ее продолжения отсылают ко всем кораблям, которые могут появиться в реальном [см. «Безумие и реальность»] пространстве. Это – в одно и то же время – и Корабль-призрак и «Аполлон», и все остальные главы играют роль команды и пассажиров, а капитан – всегда улыбается, даже если ему невыносимо тоскливо и безумно хочется плакать и погубить и себя, и корабль. Навигатор же находится и на корабле, и вне его, наблюдая за безумным плаванием и пытаясь делать заметки в судовой журнал.

I.I.S-3.30/31. Потерянный Ребенок [Суб-личности – 2]

(1)

Это ребенок лет пяти-шести. Сперва мне показалось, что это мальчик, просто с длинными волосами. Потом – что это девочка. Только позже я понял, что это и мальчик и девочка одновременно.

Она/он сказал (–а):

– Ты не хочешь нас признать.

Ты нас боишься.

Ты пытаешься делать вид, что нас нет.

Ты пытаешься жить так, чтобы нас почти не замечать, но у тебя не получится.

Мы не менее настоящие, чем то, что ты считаешь «собой».

Я чувствовал одновременно страх и – в то же самое время – жалость и нежность к этому Ребенку. Его запах казался мне очень знакомым.

(2)

Когда она/он пришел (–шла) во второй раз, я спросил:

– Кого еще ты знаешь их тех, о ком говорил в прошлый раз?

– Я не знаю почти никого, но знаю, что они есть. Они бывают в моей комнате, когда меня там нет. Они трогают мои вещи и игрушки, и я нахожу предметы на других местах. Я хочу с кем-нибудь из них познакомиться, но боюсь, что она или он будут опасны. Поэтому, когда я в комнате, я закрываю дверь на крючок.

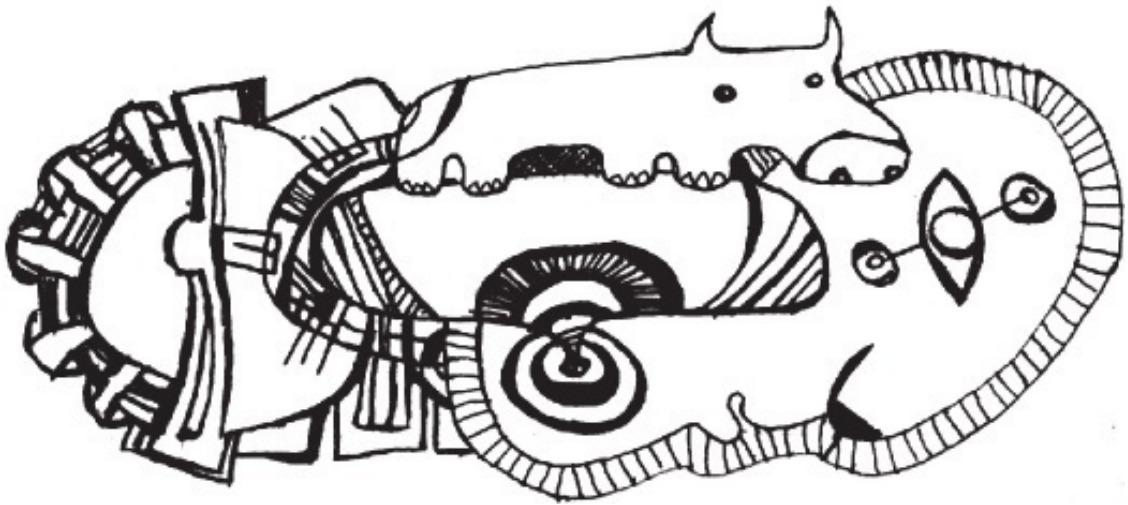
(3)

В третий раз она/он испугался (–ась) и не стал(–а) со мной говорить.

I.I.31. Безумие и сущее

Безумие – это сущее, которое отказывается от поиска смысла самого себя. Оно избегает самораскрытия и ради этого готово применять самые изощренные приемы и инструменты.

Безумие смотрит в воду, но видит все что угодно, кроме себя. Здесь ситуация противоположна положению Нарцисса. Безумие не может увидеть себя без посторонней помощи. Оно окружено сущим и тонет в нем. Нужен кто-то, раздвигающий занавеси сущего, чтобы дать безумию взглянуть на себя. Этот «кто-то» прячется за сущим, но выглядывает с большим любопытством, каждый раз – разный, каждый раз – не похожий на того, кого мы себе представляем, каждый раз – отдельный от сущего.

I.I.32. Безумие и проект

Безумие не в состоянии выстроить проект, обращенный в будущее. Оно выбрасывает из себя множество квази-проектов, но ни один не способен к конструктивному самоосуществлению. Все они слишком похожи, чтобы можно было выбрать один-единственный и развернуть его в особый процесс. И все они слишком разные, чтобы из них можно было составить хоть что-то целое.

Некоторые из них спонтанно наполняются энергией, но не растут «вперед», в будущее, а только – вбок, иногда даже назад, в прошлое. Некоторые теряют энергию и повисают в безвременье, как сдувшиеся воздушные шары.

Что-то, возможно, возникает в трещинах безумия, но доступ туда непрост – нужен особый пароль. Без него мы даже не увидим проекты, рожденные там.

I.I.33. Безумие и красный

Безумие толкает меня взять красную краску. И покрасить ею все вокруг – в том числе себя. Я теперь красный. «Имя мне – Красный». Красные руки боятся прикоснуться к красному лбу, а красные ноги неловко ступают на красный пол. Красный стол зовет меня сесть за него. И я сажусь. И беру красную бумагу. И пишу по ней красными чернилами. Красные слова исчезают на красной поверхности, красные предложения рождаются в красной голове. Так возникает «Красная книга».

На красной стене висит «Красный квадрат». Красная дверь ведет в красную пустоту. В красном шкафу прячется красный смех. И у меня осталось еще немного красной краски – для тебя.

I.I.34. Безумие и имена

У безумия много имен. На некоторые оно откликается сразу, на некоторые – не откликается никогда.

Безумие само нарекает миры и обитающие в них сущности множеством имен. Имена могут выстраиваться в длинную очередь и терпеливо ждать своего часа.

Имена проникают повсюду, и, если их становится слишком много, они начинают собираться в массивные объекты, обладающие силой гравитации.

Лучше всего имена просачиваются через почву и асфальт, хуже всего – через живых котов и ящериц.

Гирлянды имен можно вешать на елку в канун Нового года. Правда, они могут помешать праздничному настроению.

I.I.35. Безумие и собаки

Безумие связано с собаками. Безумный Сократ (Диоген) называл себя Собака Диоген. Так развивалась философская школа киников («собачников»).

Собаки хорошо чувствуют запах безумия. Это проверено массой мысленных экспериментов.

При этом собаки реагируют на безумие именно как собаки.

Безумие порой лает, но не кусает, а порой – кусает, но не лает. Оно часто вертится на одном месте, пытаясь схватить себя за хвост.

Безумие позволяет еще при жизни встретиться с Анубисом и задать ему три вопроса.

Собаки пока не умеют разговаривать. Только одна, охваченная безумием, освоила человеческий язык – Муму – и за это была приговорена к смертной казни совершенно не безумным судом присяжных.

1.1.36. Безумие и подобие

Есть виды безумия, подобные друг другу. Носители *подобного* безумия – через него – оказываются в некой постоянной связи – сквозь пространство и время. Таким образом, общее/подобное безумие оказывается связующим звеном с другими (существовавшими, существующими или теми, что будут существовать), проявляя в них родство, сходство и подобие. Эта близость часто сильнее кровных связей, моральных принципов или интеллектуальных концепций. Это сходство завораживает и позволяет создавать резервуары для общих мыслей и чувств. *Подобные безумия* способны соединять – сквозь столетия и тысячи миль – крепче, чем узы любви и дружбы.

I.I.37. Безумие и миф – 1

Бытие человеческое не может непосредственно соприкоснуться с бытием этого мира. Поэтому людям необходим Миф, который обволакивает человеческое бытие. Именно через Миф можно без тяжелых последствий войти в соприкосновение с бытием мира и остаться «в своем уме».

Безумие же расщепляет этот Миф, создает в нем трещины и лакуны. А потому у безумцев их бытие местами не защищено Мифом, оно оголено, как электрический провод, лишенный изоляции. Столкновение же с бытием мира порождает потоки энергий и явлений, и вместо безопасного Мифа на стыках возникают участки, полные боли, страха и непредсказуемых новообразований. А расщепленный Миф не может срастись и создать среду, через которую происходит столь ужасное соприкосновение с миром.

I.I.38. Безумие и трансцендентность

Безумие трансцендентно самому себе. Оно всегда лежит одновременно в некоем мире и – по ту сторону его. Оно само воздвигает непроходимую границу между «этой» и «той» стороной и тут же преодолевает ее.

В этом безумие роднится с человеческим бытием [см. «Безумие и Бытие»], которое всегда выдвинуто в Ничто [см. «Безумие и Ничто»] и которое трансцендирует по отношению к сущему [см. «Бытие и сущее»]. При этом в каждом отдельном акте трансценденции, когда безумие делит границей само себя на *потустороннее* и *посюстороннее*, это разделение уникально. В каждом новом подобном акте граница проходит в ином месте. Поэтому каждое присутствие безумия в каком-либо мире одновременно и достоверно, и неуловимо. Попытка же зафиксировать границу «внутри» безумия настолько безумна, что разговор о ней становится логически некорректным.

І.І.39. Безумие и Ничто

Следуя классической метафизике, безумие более всего тянется к Ничто. И «нормальный» разум так или иначе связывает Ничто с отрицанием, то для безумия Ничто есть позитивное утверждение.

Одним из предвестников появления Ничто является ужас [см. «Безумие и ужас»], который всегда так или иначе связан с безумной тайной [см. «Безумие и тайна»]. Но для нас важно, что Ничто не может быть определено как не-сущее [см. «Безумие и сущее»], более того, сама попытка определения Ничто как «чего-то» (Нечто) уже содержит недопустимое. И если человеческое бытие всегда выдвинуто в Ничто, то Ничто становится основанием для всякого опыта обретения знания, особенно – знания о безумии. Ничто обретается в *ничтожении*, и этот процесс позволяет прикоснуться к обратной стороне сущего. И если Ничто входит во взаимодействие с безумием, то часть безумия тоже подвергается ничтожению и в это мгновение обретает отдельное бытие.

I.I.40. Безумие и Нечто

Нечто – это то, что дано безумию всегда в искривленной форме. Нечто вторгается в «безумное сознание» и там подвергается изменению вплоть до нарушения состава сущего, из которого оно состоит [см. «Безумие и сущее»].

Нечто не является простой противоположностью Ничто [см. «Безумие и Ничто»], но может быть помыслено только одновременно с Ничто, даже если мы делаем вид, что о Ничто не думаем вовсе. Даже если мы уверены, что вообще не думаем. Даже если нам кажется, что безумие мешает нам думать в принципе.

Может ли Нечто быть дано «не-безумному сознанию» в неискаженной форме – вот вопрос, который стоило бы задать безумию, если бы оно вообще отвечало на подобные вопросы.

А у разума – спросить, как он готов определить Нечто для дальнейшего рассмотрения.

I.I.41. Безумие и Бог-знает-что

Безумие, как и «нормальный разум», бессильно проникнуть в Бог-знает-что в силу того, что это зона исключительной компетенции Бога, принципиально недоступная никому иному. Безумие способно лишь почувствовать легкий огненный ветер, исходящий от Бог-знает-что.

Разум, если даже просто упоминает о существовании Бог-знает-чего, уже совершает святотатство. Безумие, упоминающее о нем, подлежит амнистии, потому что оно не в силах определить, упоминает ли оно вообще о чем-то, происходит ли само действие «упоминания».

Впрочем, мы настолько несведущи в теологии и так боимся оскорбить чьи-нибудь религиозные чувства, что извиняемся за сам факт написания этой главы и смиренно умолкаем.

I.I.42. Безумие и психология

Так говорил мне один замечательный психолог.

С точки зрения многих психологов, «безумие» – вообще не категория; совершенно непонятно, о чем идет речь.

Есть психологи, которые работают с людьми с ментальными расстройствами, с нейрорасстройствами, делая их жизнь более качественной. Есть психологи, работающие с людьми с тяжелыми аддикциями (в том числе трудоголиками). Есть психологи, успешно работающие с людьми с психиатрическими диагнозами. В этом случае «психология» функционирует в сферах, не захваченных «чистой психиатрией». Арнольд Минделл, автор метода «процессуальной работы», сидя в огне, имел дело с людьми в тяжелых психических состояниях.

Многие психологи считают, что «о безумии как категории говорить бессмысленно, потому что работа идет с человеком, а не с категорией». «Психология работает с внутренним миром человека, а не с его диагнозом».

Впрочем, среди психологов есть диссиденты, прямо ставящие вопрос о безумии как о мета-категории, позволяющей выходить за границы привычных схем и подходов.

Возможно, это главное поле работы для психологов в XXI веке.

I.I.43. Безумие и личности

Здесь речь пойдет о разных «личностях», «суб-личностях» и так называемых «аватарах» [см. «Безумие и диссоциации»], которые окружают меня огнем, как столетья – Мандельштама.

Они возникают незаметно, спонтанно, неожиданно, – и вдруг овладевают нами так, что мы уже не понимаем, кто такой «я», кто пытается это понять или хотя бы констатировать.

Иногда они возникают как защитные реакции во время тяжелых жизненных переломов, иногда – как отдельные акторы – в ответ на вполне приятную, но особенную ситуацию [см. «Безумие и миры»].

Они могут жить в разных мирах, и их взаимодействие очень болезненно и потому нежелательно. Иногда они живут в одном и том же «мире», но ничего не знают друг о друге [см. «Субличности» и «Диссоциированные личности»]. Иногда они общаются, и это бывает как весьма конструктивно, так и весьма хаотично и травматично. Если у вас есть постоянные «личности», то желательно, чтобы другие люди [см. «Безумие и Другие»] знали эту вашу особенность, и хотя бы понимали, что имеют дело с разными «действующими лицами». Есть много видов терапии подобных расстройств, но об этом – лучше в специальной литературе.

И это, конечно, было бы весьма забавно, если б не было так опасно для «себя» и других.

I.I.S-4.43/44. Неизвестный Бог [Суб-личности – 3]

(1)

– Я совершил самоубийство и упал в ваш мир.

Я упал в тебя, как падают в колодец.

У тебя нет причин гордиться тем, что я упал именно в тебя:

во-первых, ты был выбран случайно;

во-вторых, ты для меня являешься тюрьмой, местом моего заточения в этом мире.

Ты – моя живая тюрьма, без которой я пока не могу взаимодействовать ни с кем напрямую – только через тебя. И я не знаю, смогу ли я снова обрести Силу. Если обрету – я покину тебя и снова вернусь в свой мир, а если нет – то останусь с тобой до конца твоей жизни и получу временную свободу только с твоей смертью.

(2)

Он спит и видит сны. Тянется сквозь сны наружу. Сны о незнакомых городах. Здесь башни и мосты. Он когда-то помогал строителям города. Он не хочет быть видимым для этого мира.

Во сне он поет песню о милосердии на незнакомом языке.

(3)

Только печальная песня. Ничего, кроме песни. И сны с синими лесами.

І.І.44. Безумие и ужас

Ужас свидетельствует о появлении Ничто [см. «Безумие и Ничто»]; если его вызвать в суд, он будет вынужден дать показания о Ничто, несмотря на то что сказать ему будет нечего.

Но еще ужас демонстрирует присутствие священного. Любое соприкосновение с сакральным – как бы прекрасно оно ни было – всегда ужасно. И если какое-то «священное» изначально связано с безумием, то оно ужасно вдвойне.

В любом ужасе есть привкус безумия. Поэтому любой самый светлый разум, испытывающий ужас, получает одновременно дозу безумия.

Хайдеггер считал, что изначальный ужас может проснуться в нашем бытии в любой момент. Что он всегда в нас присутствует, только обычно спит. Безумие же нередко пробуждает его в самый неподходящий момент, хотя какой момент для пробуждения ужаса можно было бы назвать подходящим?!

Но, пробудив ужас, безумие не убегает, охваченное диким ужасом, а замирает, скованное ничтожащим ужасом.

I.I.45. Безумие и память

Безумие всегда создает ложную память. Впрочем, «нормальный разум» тоже всегда создает ложную память, но безумие делает это легче и изящней.

Есть несколько эффектов, искажающих припоминаемое:

– эффект изменения модальности (например, если в памяти была визуальная картинка, то ее вербализация вносит существенные искажения);

– эффект повторного припоминания («каждое повторное припоминание искажает результат», «если вы хотите припомнить что-то точно, не пытайтесь это вспоминать», «припоминание компрометируется самим актом припоминания»);

– эффект восстановления контекста (когда возникает выдуманный, достроенный контекст ситуации);

– эффект влияния инструкций (когда в зависимости от внешних влияний редактируется содержание);

– эффект имплантации воспоминаний (когда встраиваются чужие и более поздние воспоминания),

и многие другие.

Есть несколько современных моделей описания структуры памяти (об этом можно прочесть в специализированной литературе):

– модель сетевой памяти (Anderson, 1983; Collins, Loftus, 1975);

– модель нечетких следов памяти (Reyna, Brainerd, 1995);

– модель множественных следов (Moscovitch, Nadel, 2000).

В последнем случае речь идет об интерференции нескольких видов памяти:

1) кратковременной (несколько секунд – несколько часов);

2) долговременной (несколько часов – несколько месяцев);

3) долгосрочной (несколько месяцев – долгие годы) —

что во всех трех случаях дает многократную реконсолидацию воспоминаний.

Так же безумие защищается от внешнего мира и от самого себя.

I.I.46. Безумие и границы

Безумие всегда живет на границе. Просто оно делает саму границу не тончайшей условной линией, а широкой «нейтральной полосой», разделяющей миры «познаваемого»/«воспринимаемого»/«внутреннего» и «реального»/«внешнего». Таким образом, оно удваивает границы, делая их менее преодолимыми. И оно регулярно совершает интервенции и в пределы «внутреннего» и в пределы «внешнего».

Из-за удвоения границ возникает мета-кантианский разрыв между мирами. И миф, охраняющий наше бытие, уже расщепленный [см. «Безумие и миф»], не выдерживает этого дополнительного двойного напряжения – обитания с одной стороны на широкой «пограничной полосе», а с другой – соприкосновения с двумя поверхностями по обе стороны этой полосы, с двумя ино-пространствами «близкого» и «дального». Бытие внешнего мира протягивает нам свои нити сквозь эту многосоставную границу, и мы пытаемся уловить их, ошибаясь и краем сознания понимая эту ошибку.

II.47. Безумие и протагонисты

У протагонистов безумия не безумие живет в сущем, а сущее – в безумии [см. «Безумие и сущее»]. Оно живет в нем, как огонь живет в каменном угле или как Пиноккио/Буратино – в полене.

Есть четыре главных типа протагонистов безумия.

Жрец безумия, который воспринимает безумие непосредственно, включая его [Жреца] собственное трансцендентное [см. «Безумие и трансцендентное»].

Воин безумия, который стоит на страже безумия, охраняя его и от разума, и от самого себя.

Владелец безумия, который копит его как тайное сокровище, приумножая и радуясь этому приумножению.

Труженик безумия, которому на долю достается самая обыденная работа по выращиванию, уборке и обработке зерен безумия, а также изготовлению из него простых вещей [см. «Безумие и вещи»].

При этом одни типы протагонистов без других не могут существовать.

I.I.48. Безумие и гуманизм

Гуманизм предписывает относиться к безумию терпимо, а к безумцам – гуманно. Но что значит «гуманно»? «По-человечески»?! Люди боятся безумия, причем больше всего – своего собственного. Люди настороженно относятся к безумцам, считая – и не всегда напрасно – их *иными*.

Какой гуманизм здесь применим? Атеистический? Религиозный? Сложно-системный? Тот, что предложил Жан-Поль Сартр в качестве экзистенциализма? Или хайдеггеровский, связанный с присутствием и схватыванием истины бытия в просветах сущего?

Да, человек – это очень сложная система. А безумный человек – невероятно сложная система. А любое человеческое сообщество – сверх-сверхсложная система, где возникают новые эффекты, нехарактерные для отдельных человеческих особей.

Возможно, для всех этих сверхсложных систем нужен *сверхгуманизм* (интер-гуманизм), а возможно, нужно признать неспособность всех видов гуманизма отвечать на самые простые вопросы.

I.I.D-1.48/49. А-Константин-1 [Диссоциированные личности – 1]

(1)

Он появился в 1993 году. С ним тяжело устанавливать контакт, потому что «он остался на том берегу».

Он – поэт и писатель, ему невыносима общественная деятельность, активизм. Ему интереснее литература и философия, чем социальная активность. Он разочарован тем, что происходило после 1993 года.

(2)

Это был очень сложный и важный год, сломавший массу привычных подходов, дел, планов, изменивший ближайшее окружение; год тяжелых прощаний и интересных встреч, год надлома психики (первое официальное появление диагноза «маниакально-депрессивный психоз» – МДП / биполярное аффективное расстройство – БАР); год новых направлений и несбывшихся фантазий, год расщепления устоявшегося мира и социального конструирования новых реальностей.

(3)

Иногда А-Константин пишет сказки, эссе и «трактаты». Он всегда слегка печален. Он смотрит «с того берега» и качает головой. Он считает, что «я» пошел «не по тому пути». Но он не готов вмешиваться и устанавливать свои приоритеты. Ему не хватает живого творческого общения; при этом он не готов ни с кем вступать в контакт по собственной инициативе.

I.I.49. Безумие и Другие

По одному из определений, человек – это *тот*, кто может задать вопрос о собственном бытии. Безумный человек тоже может задать такой вопрос, но не всегда понимает – кто, о ком и о чем вопрошает. Тем не менее вопрос звучит и взывает к поиску ответа.

Другие – это те, которые *тоже* могут задать вопрос о собственном бытии. И эти же Другие способны задать вопрос и о бытии Другого человека, в том числе безумного, и о бытии вообще.

Поход к Другим так же важен для безумца, как и для любого человека, даже если он кажется ему невозможным, бессмысленным или чрезвычайно опасным. Путешествие к Другому может быть очень долгим и напоминать режим «свободного поиска», где приходится отказываться от любой заранее намеченной цели. И при этом знать, что Другой все равно возникнет как явленная из истины бытия цель.

Несмотря на то, что подробности стажировки Зигмунда Фрейда в 1885 году в клинике Сальпетриер у Жана Мартена Шарко известны достаточно хорошо, остается несколько страниц этой истории, закрытых для публики. Шарко работал в отделении с «не-психическими эпилептичками и истеричками», занимаясь в том числе лечением с помощью гипноза.

I.I.50. Безумие и эксперимент – 1

Почти неизвестны подробности работы Шарко и Фрейда с несколькими «тяжелыми психически больными», которых они пытались подвергнуть гипнозу. Оказалось, что при определенной глубине гипноза можно было установить контакт уже не с самим «больным», а с его «психическим заболеванием». Если же исследователи шли еще дальше, они могли начать общение с «Безумием». «Разговоры с Безумием» так потрясли Шарко и Фрейда, что они прекратили эти эксперименты и вернулись к «классическим истерикам и истеричкам», решив продолжить работу с пациентами с серьезными психическими диагнозами «когда-нибудь потом».

Конрад Лоренц считал, что «агрессия у людей представляет собой совершенно такое же самопроизвольное и инстинктивное стремление, как и у других высших позвоночных животных». А еще что «у некоторых животных агрессивное поведение по своим проявлениям практически не отличается от сексуального».

I.I.51. Безумие и агрессия – 1

Безумие в целом не увеличивает и не уменьшает агрессию, но существенно изменяет ее формы и ритуалы. И нередко безумие все-таки снижает контроль человеческого существа над собственной агрессией, делая ее более деструктивной.

Эрих Фромм писал об агрессии в целом: «Иногда агрессию рассматривают как неотъемлемую часть гомеостаза человека». И она в данном случае представляет собой инструмент психической саморегуляции. Безумие же нередко сбивает эти настройки.

Вообще сам разговор о безумии и агрессии весьма опасен и может вызвать у безумца агрессию, а у агрессора – безумие.

Но здесь самым важным является вопрос о том, можно ли, будучи погруженным в безумие, научиться контролировать свою агрессию? И можно ли контролировать агрессию других? Ответ на эти вопросы может прозвучать так: «Да, но все значительно сложнее».

Часть II Тишина и тайна

I.П.01. Безумие и вечность

Безумие сидит на камне, слева от него – ледяное пространство, справа – песчаная пустыня. Безумие и пытается левой рукой – сложить изо льда, а правой – начертать на песке слово «Вечность». Это важно, потому что в правом глазу у него застрял осколок волшебного зеркала, а в левом – магическая песчинка. Но каждый раз возникают лишь четыре буквы: изо льда складывается только – «МЕФИ», а на песке возникает только – «ЛОГО». Вечность остается неизрекаемой.

Безумие не может оперировать Вечностью, как и разум. И в этом они похожи. Но Вечность ускользает от них по-разному. Безумие ощущает ее материально, «телесно» и может даже на мгновение коснуться ее. Разум же пытается ее помыслить, и сама мысль о Вечности создает барьер, через который мысль может проникать только в одну сторону, но не возвращается обратно.

I.II.02. Безумие и сюжеты

Говорят, что есть всего четыре цикла, четыре сюжета: о долгой осаде города, о вечном возвращении (домой), о далеком путешествии и о самоубийстве бога. Но особым измерением во все эти сюжеты вплетается безумие.

Возможно, безумны осаждающие город и обороняющиеся, быть может, безумны возвращающиеся домой, вполне вероятно безумие отправляющихся на край света, и нельзя исключить безумие бога, совершающего самоубийство.

Может ли безумие само по себе быть пятым циклом, отдельным сюжетом, новым нарративом?

Возможно, оно способно создать отдельный сюжет, но только в паре с каким-то иным, новым явлением, не порожденным самим безумием. Например, с фиговым листом свободы.

I.II.03. Безумие и тошнота

Все миры вызывают тошноту. Тошноту вызывают их запах, их вкус, особенно прикосновения к их скользким внутренностям (и к ограждающим их стенам-перепонкам).

Безумие слегка уменьшает эту тошноту, вызывая другие, еще более сложные реакции.

Например, отвращение.

Но тошнота остается как неизбежный фон взаимодействия с любым из миров, и этот фон все-таки снижается благодаря мифам [см. «Безумие и миф»].

В некоторых мирах тошнота выступает как отдельный актер, действуя по собственной инициативе и соединяясь с безумием в некоторых местах.

Тошнота может вступать в химические реакции с разными средами, и в результате могут возникнуть удушливый газ, черный камень или желтая жидкость. При этом сама тошнота становится небольшим сгустком и поселяется возле горла.

I.II.04. Безумие и комната

В одну и ту же комнату нельзя войти дважды (здесь даже безумие не помощник). Так же как нельзя и дважды выйти из одной и той же комнаты.

Из комнаты вообще невозможно выйти, и потому невозможно совершить ошибку [см. «Безумие и ошибка»]. Все безумцы знают об этом и потому носят свои комнаты с собой.

Но в любую комнату можно попасть благодаря безумию, даже если у нее нет никаких дверей или окон. Это значит, что мы живем одновременно во многих комнатах, в которые когда-то попали.

Не существует двух комнат, полностью идентичных друг другу. При этом безумие толкает нас видеть одни различия и совершенно не замечать другие.

В любой комнате есть тайна [см. «Безумие и тайна»], которая не может быть раскрыта по определению. Но есть и тайные комнаты, существование которых мы можем только воображать.

I.II.05. Безумие и тайна

В каждом безумии живет одна большая тайна, несколько средних и множество малых. Эти тайны невозможно не только изъяснить словами, но даже помыслить.

Мысль от соприкосновения с такой тайной искривляется и огибает ее по длинной дуге. От этого начинает кружиться голова.

Попытка рассказать о такой тайне может вызвать полную немоту. Попытка охватить ее разумом может вызвать полную остановку всех процессов в мозге. Попытка почувствовать ее вызывает ужас [см. «Безумие и ужас»], но именно он позволяет нам выйти на новые просторы миропонимания, свидетельствуя о Ничто [см. «Безумие и Ничто»].

Тайны вызывают тревогу и в то же время приносят спокойствие, если мы касаемся их только в рамках особых ритуалов и только в особое время, и тогда тайна становится источником пророчеств.

I.II.06. Безумие и язык

Если, следуя за Хайдеггером, полагать, что язык – это дом Бытия, то для безумия язык – это тоже дом, но дом казенный, тюрьма. Язык плохо подходит для дискурса о безумии, он слишком неповоротлив и слишком жестко сконструирован. Безумию здесь трудно не только выразить себя, но и просто дышать. Оно то и дело спотыкается о конструкции языка и ищет в нем просвета, чтобы выбраться наружу.

Взаимодействуя с языком, безумие инициирует различные языковые игры, которые зарождаются в языке, но затем расползаются во все стороны.

Но язык рождается одновременно с молчанием [см. «Безумие и молчание»], он проступает сквозь молчание, которое само обретает свой собственный смысл и становится сущим только при рождении языка. Существа, не имеющие языка, не находятся *в молчании*, когда не издают звуков – они немотствуют.

Язык же рождает сам себя вместе с молчанием из только-только намечающегося человеческого бытия [см. «Безумие и Бытие»].

I.П.07. Безумие и идентичность

Человек с древних времен обладал одновременно многими идентичностями, причем их число постоянно росло. Уже сейчас идентичностей так много, что их трудно сосчитать.

Получается, что каждый является перекрестком многих идентичностей, на котором они сходятся, и это пересечение вызывает дополнительное напряжение.

Мы научились прятаться за идентичностями, как за бронзовыми стенами. Это – наше новое прибежище. Наш новый Waterland.

Безумие всегда создает дополнительные идентичности. И если «безумие в целом» порождает одну большую идентичность, то каждое отдельное безумие приносит идентичность уникальную, не схожую с другими. Каждое личное безумие уникально, как форма ушной раковины, и его внешняя похожесть на другие создает иллюзии подобия [см. «Безумие и подобие»], которую нередко называют «диагнозами». Но это не должно обманывать «независимого наблюдателя», находящегося в центре галактики и рассматривающего нас в несуществующий микроскоп.

I.II.08. Безумие и эксперимент – 2

Если так называемый Стэнфордский тюремный эксперимент 1971 года достаточно хорошо известен, прежде всего благодаря самому Филипу Зимбардо, то о втором Стэнфордском эксперименте известно крайне мало, его результаты – по договоренности – были отнесены к информации конфиденциального порядка.

Это был эксперимент со студентами-медиками, которые должны были воспроизвести атмосферу психиатрической клиники. Их разделили на две группы – «медиков» и «больных», и среди «больных» провели жеребьевку: они должны были вытащить карточки с психическим заболеванием, которой им надо будет изображать максимально достоверно. У них было три дня на подготовку – изучение «своего» заболевания.

Эксперимент пришлось приостановить на шестой день из-за того, что «больные» начали демонстрировать симптомы «своих» заболеваний чересчур достоверно. После прерывания эксперимента оказалось, что почти все они теперь нуждаются в психиатрическом лечении.

I.П.09. Безумие и агрессия – 2

Есть совершенно иные подходы к агрессии, и они, в свою очередь, могут быть никак не связаны с безумием.

Эрих Фромм выделял несколько форм агрессии.

* Игровая агрессия – используется в целях демонстрации своей ловкости, умения, а не в целях разрушения (не мотивирована ненавистью или деструктивностью).

* Реактивная агрессия – защита жизни, свободы, достоинства, а также собственного или чужого имущества; возникает в случаях:

- фрустраций потребностей и желаний;
- зависти, ревности и желания мести;
- потрясения веры (в жизнь, в любовь; разочарование).

* Архаическая жажда крови.

* Компенсаторная (злокачественная) агрессия – жестокость и деструктивность, насилие, служащее «импотентному» человеку в качестве замены продуктивной жизни:

- садизм (стремление подчинить живое своей власти, сделать его беспомощным объектом своей воли);
- некрофилия (страсть к неживому);
- хроническая депрессия и скука.

Злокачественная агрессия – в сочетании с безумием – особенно опасна.

Есть точка зрения, что на уровень агрессии влияют гены:

- увеличивающие активность дофамина и норадреналина;
- снижающие активность ГАМК;
- усиливающие выработку половых гормонов;
- усиливающие действие гормонов стресса (адреналин, кортизол).

Здесь нейробиологам открывается огромный простор для размышлений о том, как это комбинируется с разными формами безумия.

I.П.10. Безумие и миф – 2

Мы уже упоминали, что бытие доступно людям только через среду мифа. Соприкосновение с бытием напрямую вызывает безумие.

Безумие же расщепляет одни мифы и порождает из небытия другие.

Мифы для безумного сознания расходятся, как множество вееров, прикрепленных к одной точке: где-то налезая друг на друга, а где-то оставляя бреши, не защищенные никаким мифом. При этом может возникнуть иллюзия возможности «объединенного мифа», но это не случается при обычных условиях. Возникновение такого мифа – кропотливая работа тысяч муравьев, пауков и пчел, а их координация является невероятно сложной задачей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.